

СИМАКО ИВАИ
ТЭЦУДЗО ФУКУДЗАВА

В НОЧНУЮ СМЕНУ

СТРАШНЫЕ ЯПОНСКИЕ ИСТОРИИ

Меня пугают дома, где остались вещи.
Когда видишь, что детский письменный
стол или буддийский алтарь так и
стоят, начинаешь думать: что же тут
случилось?

В одном старом пустующем доме
повсюду в комнатах были насыпаны
свежие горки соли.

В другом – снаружи и в саду было
чисто, а внутри – настоящая свалка,
негде ступить. На потолке роились тучи
мух, а на татами, словно рассыпанный
рис, кишели личинки.

Тэцудзо Фукудзава

Нечто (Алгоритм)

Симако Иваи

**В ночную смену. Страшные
японские истории**

«Алисторус»

2026

УДК 821.521.08
ББК 84(5Япо)6-44

Иваи С.

В ночную смену. Страшные японские истории / С. Иваи —
«Алисторус», 2026 — (Нечто (Алгоритм))

ISBN 978-5-00269-648-2

Это не просто страшилки на ночь. «В ночную смену» – это исследование темной стороны современной Японии через призму хоррора. За образами ёкаев и призраков скрываются реальные социальные проблемы: экономический упадок, гнет системы, бытовое насилие и распад семейных связей. Классический кайдан переплетается здесь с гнетущей атмосферой бездушных городов и заброшенных кварталов, превращая повседневность в настоящий ад.

УДК 821.521.08
ББК 84(5Япо)6-44

ISBN 978-5-00269-648-2

© Иваи С., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Очень страшно. Жуткие истории из региона Кансай	6
Очень страшно	6
Ящик для доносов	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Симако Иваи, Тэцудзо Фукудзава
В ночную смену
Страшные японские истории

© Иваи С., 2026

© Фукудзава Т., 2026

© Землянова В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Очень страшно. Жуткие истории из региона Кансай Симако Иваи

Очень страшно

– Страшные сны видишь? Сны, говоришь? А что это было? Ах, да, те, что видишь, когда спишь. Вот оно что. Однако ж, господин, вы прямо как дитя малое. Нет-нет, я не смеюсь. Сны – они ведь страшными бывают, это уж как пить дать.

Я? Я... мне хватает страхов и наяву, так что во сне я ничего не вижу.

Мой сон – черным-черен. Просто темнота. Даже себя не вижу.

Не бойтесь, спите спокойно. Вот, и ветерок хороший входит. Даже без москитной сетки, я всё время буду обмахивать вас вот этим веером, так что комары не подступятся.

Покуда я бодрствую, и всякая нечисть не придёт, ну-ка, закройте глаза.

Я не показываю гостям своё спящее лицо. Для куртизанки показать гостю, как она спит, – величайший позор.

Говорят ведь, куртизанка никогда не должна спать на спине, а только на правом боку, лёжа на правой стороне. Есть, конечно, и такие, кто любит поваляться звёздочкой, но мне и так хорошо.

С самого младенчества я всегда спала на правом боку.

Так что, поэтому у меня такое лицо? Фу-фу-фу, какой же вы неприличный.

Верно, у меня глаза и нос как бы задираются к левому виску. И не только гости, что дразнят меня дурнушкой, но и немало таких, кто просто пугается.

Говорят, будто невидимая рука тянет меня за левую сторону. И страшно не это лицо, а та рука, видимо.

Значит, то, чего не видно, страшнее? Нет, и видимое достаточно страшно.

На самом деле это... нет, не буду. Если я вам это расскажу, вы и правда больше не сможете заснуть. Я не пугаю, но это будет преследовать вас вечно.

Ну что ж, говорят, хорошая куртизанка – это во-первых лицо, во-вторых постель, в-третьих руки, а у меня ничего этого нет. Вот видите, и рожа как у дуры, и обходительности ни на грош.

Бывает, что и без зеркала себя слишком хорошо видишь. Да не только себя. И то, чего вроде бы видеть нельзя, я тоже отлично вижу.

Лет-то мне не так уж много. Я не вру. В год моего рождения там ещё не Окаяма была, а префектура Ходзё. В девятнадцатом году Мэйдзи объединили? Какая же вы учёная, господин. Закончили обычную учительскую семинарию? Как почётно. А я ни в одной школе и не обучалась.

Да и не беда. Есть да справлять малую нужду – и собака, и корова, и неучёная девка, и без чьих-либо наставлений отлично умеют. Фу-фу-фу.

Но всё же меня хвалят за то, что я никогда не показываю гостю своё спящее лицо, – мол, хорошо воспитана. А какой прок куртизанке от хорошего воспитания, спрашивается?

Так что вы, господин, спите спокойно. Если явится что-то, что нагонит вам страшных снов, я его прогоню. Я против нечисти сильна.

И всё же, господин, вы пришли поздно. Выставка у нас закрывается в двенадцать. Если бы пришли на закате, хоть и через решётку, могли бы увидеть сколько угодно молодых, подтянутых девиц и выбрать. А теперь осталась лишь я, залежалый товар, – вот досада.

И притом все девки изо всех сил просовывают руки сквозь решётку, увлекают гостей, а я, как назло, скрючилась в углу.

Сколько ни брани меня хозяйка, сколько ни бей, я не могу высунуть руку из решётки. И не потому, что важничая, и не потому, что наплевать на работу.

Просто страшно.

Оттуда тянется что-то мерзкое, хватает меня за руку. То мёртвый отец, то убитый товарищ. А живые мужчины редко когда берут меня за руку.

С левой же стороны какая-то странная сила хватает меня за лицо и тянет вверх.

Вам понравилось во мне это моё странное свойство? Вы, господин, немножко чудак.

Но послушайте, господин. Меня никто никогда не ласкал, и от ласки мне больно. Умоляю, не говорите больше, что я вам нравлюсь или что я вам по душе. Я женщина, которую должны пинать ногами до самого конца.

...Вы просите говорить, пока не заснёте? Что ж, это можно, но о чём же говорить? Злословить про нашего хозяина и хозяйку – само собой нельзя, да и сплетничать про подруг или про других гостей тоже запрещено. Тогда и говорить-то не о чем.

Меня продали сюда в шестнадцать, и с тех пор я выходила наружу считанные разы. Что такое «наружу» – это ночь, которую видишь сквозь решётку, да ещё ночь, которую видишь сверху из этого окна на втором этаже.

...Вы хотите услышать мою историю? А вы всё более странный господин. Но тогда вам точно не видать хороших снов.

Если узнаете мою историю, разве не будут вам сниться страшные-престрашные сны?

Всё равно согласны? Тогда расскажу. Для начала я родилась близ Цуямы. Название деревни, что в шести ри отсюда... всё равно не знаете.

Прозвище той местности – Долина Госо, деревня Засухи. Все там крестьяне, но урожайных годов почти не бывает. Постоянно недород. Кое-как перебиваются подённой работой. Девушек почти всех отдают в услужение в другие края. Многие продаются и в бордели. Не в ближние, как я, а в Кюсю или в Осаку.

Знаете, Окаяма – она ведь южнее, и там всего в достатке: земля плодородная, города разрастаются, люду много, и богатеев хватает. И зима, говорят, тёплая. Но тех, что из Бидзэна, не любят – больно уж они пронырливые. Ах, вы сами из Бидзэна? Прошу прощения, уж потерпите.

...Так вот, на самой что ни на есть окраине севера, в глуши Китайских гор, у нас и вовсе ни одного богатея. Одни бедняки, уже в шестнадцать-семнадцать лет лица и руки в чёрных мелких морщинах. Дожить до сорока – уже за счастье.

Среди них самой бедной была наша семья. Не хвастаюсь, но мы были хуже скотины.

Я – дитя голодной смерти. Да-да, голода. Родилась в год голода, потому и прозвали «голодной смертью».

В тех краях урожайные годы бывали реже, чем неурожайные. Голодная смерть случалась через год.

У меня воспоминаний о мёртвых куда больше, чем о живых.

И само собой, это не добрые воспоминания. Негодяи и после смерти остаются негодьями.

Моя мать была повитухой. Да ещё и специализировалась на избавлении от младенцев.

Живых детей она никогда не принимала. Так что повитухой её не звали.

В деревне её называли бабкой-детоушительницей или бабкой-детоколюшкой. А ребятня и вовсе звала её ведьмой. А я, значит, ведьмино отродье.

Нас в деревне не жаловали, но звали только когда надо было. А «когда надо» – это всегда при избавлении от младенца. Бывало, что вытаскивали из утробы, а бывало, что уже рождённого удавливали. С односельчанами мы виделись только в такие дни.

Я помогала в этом с четырёх лет.

В малолетстве я ходила собирать полевые хризантемы и физалис, плела из соломы, а когда подросла... пришлось держать беременных женщин за руки и за ноги. Вроде палача, что отсекает голову.

Бабы не проклинают себя за то, что плодятся как собаки, не винят мою мать за то, что она вытаскивает и душит младенцев, а посылают свою ненависть на меня. ...Невыносимо.

Вы не знали? Корни полевой хризантемы и физалиса – это вот эта дыра. Ею только что воспользовались и вы, хо-хо-хо, в эту дыру её и втыкают. Остриём пронзают младенца и выкидывают.

Лица и руки у тех женщин были чёрные, в грязи, отчего же бёдра у них оставались такими белыми? Даже у худых бёдра были жирными и мягкими.

Вытаскиваемый младенец видит сначала белое бедро. Потом – алую кровь. И в конце – черноту.

Я с малых лет знала, что эта дыра ведёт прямо в ад.

Я думала, почему бы её не заделать, но кто же знал, что я сама буду ею промышлять. Хорошо, что не заделали. Хо-хо-хо.

Мужчины любят не женщин и не женские дыры, а тот ад, что за ними скрывается. Ад, в котором они были до рождения.

Так что, как видите, с самого детства я помогала убивать людей.

Ни радости, ни печали я не знала. Я ведь такой родилась.

Иные с важным видом говорят, что лицо у меня перекошено из-за детоубийства.

Я не боюсь. Младенцы... с водяными детьми мы были в большой дружбе.

В голодный год дела шли бойко. Полевых хризантем почти не осталось. И сейчас я отчётливо помню поле, где среди тощей травы летали тощие стрекозы и тощие птицы, а я сама сижу на корточках, худая, как скелет. В соседней ложине голодные деревенские копали папоротник. И при таком голоде, при таком истощении водяных детей становилось только больше. Даже когда желудок пуст, человек не может остановить свою похоть.

И всё же, среди всего этого высохшего, иссохшего пейзажа, отчего небо было таким свежим и синим? До того синим, что видны были даже звёзды, которые вроде бы не должны быть видны.

Но мои детские воспоминания – это только избавление от младенцев. Только это.

Прежде чем вытащить младенца, сначала заставляли опорожниться. Запах крови и кала пропитывал весь дом, летом было невыносимо. Впрочем, можно считать, что я готовилась к аду испражнений.

В таз, куда справляли нужду, бросали и мёртвых детей. И безжалостно, просто швыряли. Мёртвый младенец – всё равно что комок грязи и крови.

Я видела такую же картину в храмовом свитке «Адская картина». Правда, нарисовано было неумело, но оттого ещё страшнее.

Монах говорил, что кровь на той картине настоящая. Враки. Разве может кровь оставаться такой ярко-красной вечно? Кровь – чёрная и вонючая.

Но ведь те водяные дети не сделали ничего плохого, почему же они должны попасть в ад испражнений? По учению, они не идут ни в ад, ни в рай, а плачут на берегу реки Санзу, в царстве мёртвых.

Тот монах объяснил мне, что это ад для тех, кто считает нечистое чистым, а чистое – нечистым. И всё это он говорил, делая мне пакости. Интересно, в какой ад попадёт сам этот монах?

Может быть, водяные дети не могут успокоиться, потому что тоскуют по родителям, которые выбросили их как навоз?

Даже если они не встретятся с родителями в этом мире, они, возможно, встретятся с ними в том аду испражнений. Но родители и там, наверное, снова бросят своих детей. Хотя дети всё равно будут тосковать по ним...

...А почему же я не была избавлена от младенчества?

А-ха-ха-ха, вы, господин, наверное, из богатой семьи, и к тому же мужчина. Вас, конечно, ждали как желанного ребёнка. Вас приняла добрая повитуха в чистой комнате.

Со мной не так. Моей матери было за сорок, и в доме не было даже мышинного хвостика, который могла бы притащить крыса.

И к тому же я – девка.

Вдобавок ещё одна девка. Да, мы были двойняшками. Условия для избавления были более чем подходящие. К тому же моя старшая сестра, вторая половинка, была не совсем обычной на вид.

...Вид? Это уж увольте. Всё-таки она мне сестра. Жалко её.

И всё же меня не вытащили корнем хризантемы, а родили по-настоящему. Как я уже говорила, в тот год был голод, и все бабы избавлялись от детей, так что дел было невпроворот, и мать не заметила собственного живота до самого срока.

Мать родила сама, управилась с последом, и принялась за младенца... собиралась.

Сперва зажала нос и рот мокрой бумагой, а потом выбросила в реку перед домом. Та река – это река, куда бросают и пускают по течению водяных детей. Летними ночами там квакают лягушки, а там круглый год слышен плач водяных детей.

И всё же я, видно, удивительно живучая: два дня пролежала в реке и выжила.

Если скажу, что помню эти два дня в реке... вы, наверное, скажете, что я вру. Но это правда. Глаза мои ещё не открылись, и всё время я была в полутьме. Речная вода была скользкой и пахла женщиной. Я не утонула, меня не склевали вороны, а прибило к зарослям травы.

Из той полутьмы ко мне приходили разные существа. Погладил меня, должно быть, синтоистский бог Кодзин, которому поклонялись на ближней горе. А отогнал ворон, возможно, какой-то младенец, который в последний раз издал крик и умер. Я выжила, потому что сосала ручки и ножки наполовину разложившегося водяного ребёнка, которые принесло течением к моим губам.

Мать, которая уже на второй день после родов вышла на работу, пришла к реке выбросить удушенного младенца и увидела, что я ещё дышу.

Тогда она, делать нечего, или, может, всё-таки её тронула жалость.

...Нет, наверное, просто испугалась – этой меня, или сестры.

Та сестра? Сестра... не выжила. Ну всё, хватит о сестре.

Как я уже говорила, многие женщины рожают, не успев избавиться вовремя.

До сих пор я хорошо помню одного такого: он был малюсенький, помещался на ладони, но глаза открыл. Рот тоже открыл, но кричать, понятное дело, не мог. Хотя веки ещё не сформировались, он смотрел... и сверлил взглядом.

Не меня и не мать. А свою родную мать. Взгляд был не то чтобы тоскливый. Мать тут же раздавила его ногой и завернула в циновку.

Та женщина? И после этого она раскаялась и стала молиться за водяных детей... думаете? Вы, господин, всё же слишком хорошо воспитаны.

Я никогда не видела женщин, которые плакали, бросая младенца. Как только кровь останавливалась, они тут же снова бросались к похоти. И опять являлись к моей матери.

Что поделаешь. У крестьян радости только две: есть да справлять малую нужду.

Мне с едой всегда было туго, а вот с похотью проблем не было. Хо-хо-хо. Можно сказать, благодатное проклятие – я не беременею, даже не предохраняясь. В этом борделе есть девки, что плодятся как скотина, как собаки, а у меня ни разу не было.

Наверное, потому что я сама всё ещё... водяное дитя. А-ха-ха.

И всё же... эти водяные дети – видят ли они что-то в этом мире перед смертью? Впрочем, даже если и видели, вряд ли поняли, что это мир живых.

Должно быть, думали, что вернулись в ад. Ведь там были бабка-детодушительница, её отродье и мать-роженица – целых три демона.

Фу-фу-фу, я вот обещала навеять вам хорошие сны, а сама подталкиваю к дурным. Уже надоело? В следующий раз выбирайте красивую, нежную и искусную в постели.

А?.. Вам интересно, почему нас в деревне не жаловали? Господин, вы, видно, любите страшные истории. Хотите увидеть дурной сон.

Ну ладно. Всякого было, но прежде всего мы были чужаками. Те деревенские верили, что за Китайскими горами живут трёхглазые дети, мужчины с рогами, женщины с раздвоенными... ну, сами знаете. Для них чужак уже страшен.

Говорили, что мы родом с Сикоку. И отец, и мать. Им пришлось уйти из своей деревни на Сикоку и бежать в Окаяму. Притворялись паломниками, побирались и добрались до Цуямы.

А что они сделали? Ну, это... не будем. И у меня есть что скрывать.

...Господин, вы всё жалуетесь, что комната бедная, но для меня она не хуже замка Окаяма. Наш дом раньше был коровником.

Сюда меня продали – и я впервые увидела татами. Увидела потолок. Говорят, куртизанка – всё равно что скот, но нет, мы настоящие люди. Я только после продажи начала жить по-человечески. У нас не было постели, я спала на земле, скрючившись. Потому и ночная работа мне нипочём. А если лечь на спину, ветер дует в бока, и холодно.

В тех краях летом обязательно налетал северный ураган. Ветер, как смерч, срывал крыши раз за разом.

Наш дом стоял у подножия горы, а перед ним тянулась речная отмель. Граница между тем светом и этим не только на том свете. В горах валялись умершие с голоду, а на отмели – выброшенные водяные дети.

Перед той отмелью были рисовые поля деревенских. Тощие, каменистые, бедные поля. Но я им завидовала. У нас полей не было. Был бы свой надел – не продали бы меня в такое место.

Отец был подёнщиком, батраком. Хоть и говорят, что крестьянину наука не нужна, но отец был совсем безнадёжный. Он умел считать только до пяти.

И работать не любил – то пойдёт, то нет. Если уж появлялись деньги, всё пропивал.

К тому же климат плохой, вечно неурожай. Мы с матерью кое-как выживали на те деньги, что она получала за убийство чужих детей. Просто дышали – и всё.

И при всём при том я радовалась, когда северный ураган опустошал поля односельчан. Не потому, что меня обижали. А потому что это было красиво.

Чёрный ветер ласкал жёлтые колосья, и казалось, будто с гор спускается огромный демон и оставляет следы. И следы эти всегда обрывались у нашего дома.

Этого демона видела только я. ...Симпатичный был мужчина. Хотя вам, господин, уступал, фу-фу.

Но летом и в доме, и снаружи стояла невыносимая вонь. На отмели водяные дети плавали, тонули, гнили, потом быстро превращались в маленькие косточки.

Удивительно, но среди разложившихся, чёрных, раздутых трупов были и живые. И не показалось. Я с ними говорила.

О чём? Это... тоже не хочется рассказывать. Потому что это были недобрые истории.

Господин, вы знаете, что такое «Намэрасу-дзи»? Это путь, по которому ходят демоны. Когда-то это была священная тропа для посланников богов, но как только вера угасла, она стала страшным местом.

Деревенские боялись не только нас, но и говорили о тех местах шёпотом.

Мы жили прямо над Намэрасу-дзи. До чего же мы собрали все условия для проклятия, но нам было всё равно. Хуже уже некуда.

...Родители хотели отдать меня в услужение, но, по счастью, никто не брал. Моими подругами были только разлагающиеся трупы водяных детей на отмели. С ними я и играла.

Живые соседские дети были противны, а мёртвые – милые. У них ещё не сформировались глаза и рот, зато они послушные и смиренные.

Но даже если я давала имя понравившемуся водяному ребёнку и заботилась о нём, он быстро разлагался и превращался в кости. Были, правда, и странные дети, которые не гнили вечно. Один такой родился на три месяца раньше срока и, почему-то, уже имел зубы. Жаль, его съела лиса. Остались только зубы. А через некоторое время пошли слухи, что появилась лиса, говорящая по-человечески. Я её не встречала.

А вы просили рассказать что-нибудь позабористее? А-ха-ха, про первый раз? Про похоть?

Партнёром был мой отец. Правда.

Отец, хоть и считать умел только до пяти, зато оправдывался мастерски. Сказал, что перепутал меня с матерью. Но как можно спутать пятидесятилетнюю старуху с десятилетней девчонкой, даже если считать не умеешь?

Он не знал меры: когда бил, пинал или втыкал туда – делал как хотел. Мать к тому времени ослепла на один глаз, и когда отец делал это со мной, она смотрела в мою сторону своим слепым глазом. Да, глаз ей выбил тоже отец. Вы и сами догадались.

...Неужели не было ничего весёлого?

Вы, господин, раньше говорили, что в трудные минуты нужно думать о чём-то приятном. Я не такая. Трудности я заглушаю другими трудностями.

Мои трудности – это похоть с отцом и голод.

Когда я невыносимо хотела есть, я думала об отце. А когда он наваливался на меня, я думала о голоде. Мол, вот это ещё большее.

Отец? Он умер.

За год до того, как меня продали сюда. Не от болезни. Напился и свалился в речную отмель перед домом. В такой мелкой воде утонуть можно, только если сильно пьян.

На затылке была вмятина, решили, что ударился о камень. Но некоторые злые языки говорили, что его кто-то стукнул. Да кто же будет так ненавидеть такого никчёмного человека? Господин, а вы ненавидите каких-нибудь тварей? Вряд ли. Ха-ха-ха.

Его нашли ещё живым, еле дышащим. Пришла местная знахарка с бамбуковой трубкой, положила туда рисинку и потрясла у его уха, чтобы он вернулся с берегов реки Санзу.

...Отец не вернулся. Только и всего. Может, на шести дорогах заблудился, хо-хо-хо.

Но в тот день я впервые увидела рис. Сначала подумала, что это черви, или мухи, которые роются на гниющих водяных детях.

Рис я впервые увидела, когда отец умер, а впервые попробовала – когда меня продали. Правда, там была смесь с ячменём, но я поразилась, что на свете бывает такая вкусная вещь. Во рту стало райским садом. Сладко-сладко... я впервые произнесла и почувствовала слово «сладко».

Я даже подумала: хорошо, что меня продали. А сейчас? Ко мне редко ходят гости, так что рис я почти не ем. Но когда кончится срок, я, наверное, устрою пир из одного риса. Ведь это не ад, там, если захочешь поесть, еда не станет извергать пламя.

История об отце? Вы, господин, право, забавный человек. Вроде бы боялись, а теперь любопытно. Ну ладно. Вы первый, кто хочет послушать про отца.

Поминки справляли только мать и я. Нет, ещё один отец стоял в дверях. Он долго смотрел на своё тело, а потом ушёл, не оглянувшись. Не было видно ни радости, ни печали. На меня и на мать даже не взглянул.

Хоть нас и не жаловали, на похороны обычно приходят, но до кладбища нас проводил только могильщик. Денег на монаха не было, и могильщик пропел наизусть сутры, какие запомнил. Этого хватило. Даже если бы сам Будда читал сутры, вряд ли он бы спасся.

Правда, потом пришёл полицейский. Из-за тех, кто болтал, что его стукнули по затылку.

В мои малые годы у полицейских была дубинка, а тогда – уже сабля. Небольшой, но очень видный полицейский. И совсем не важничал. Оттого я ещё больше не могла рта открыть.

Я ведь уже говорила: меня никто никогда не ласкал, и от ласки мне больно, невыносимо. Мне даже кажется, что меня упрекают. Потому нам, отродьям демонов, в аду спокойнее. Нас мучит, когда с нами обращаются по-человечески.

И всё же... когда я сидела, опустив голову, тот полицейский погладил меня по голове. А я вся сжалась, ожидая удара. А он сказал: «Не надо терпеть».

И ещё сказал: «Тебе страшно? Если страшно, можно заплакать».

Смешно, правда? До того дня я даже не понимала, что терплю, что меня заставляют терпеть, что мне страшно, что меня заставляют бояться.

Я страдала.

Меня заставляли бояться.

Я не знала. Я не понимала. ...В тот день я впервые в жизни заплакала при людях.

...А, не обращайтесь внимания. Когда я думаю о том полицейском, у меня сами собой льются слёзы.

Это не от горя, не от боли, не от радости и не от ностальгии.

Что это... не знаю. Как дышать – выдыхать, как идёт дождь – мокнуть, стоит мне подумать о нём, и слёзы текут.

Когда меня привезли в публичный дом, я молила только об одном – умоляла, не продавайте меня в Цуямский квартал, только не туда. Я даже кланялась в ноги. Потому что думала, что тот полицейский может туда прийти.

Ведь он тоже мужчина. Может, придёт как гость и выберет меня.

С того самого дня до сегодня я ни разу не была с мужчиной, которого любила.

И так и надо. Я родилась куртизанкой.

...Но я ни за что, ни за что не хочу быть с тем, кого люблю.

На самом деле я хочу, но нельзя.

...Ах, да, простите, не обижайтесь. Я ведь и вас люблю, господин. Правда.

Так вот, в конце концов я попала сюда, в этот дом в Окаяме.

Кто убил отца – до сих пор неизвестно.

Злюсь ли я? Нет, что вы. Скорее благодарна. Ведь теперь меня никто не бьёт и не пинает. А к похоти меня приучили, так что теперь не больно.

После смерти отца мать совсем ослепла на второй глаз, и тогда она решила продать меня. Когда меня везли на телеге, она вышла проводить.

Но в памяти у меня осталась не мать, а тощие колосья риса у неё за спиной. Высохшая гора, где отдавался плач, и не понять, водяные дети это плачут или вороны. Небо такое синее, а вода в реке грязно-жёлтая. И за спиной матери стоял покойный отец. Ссутулившись, как засохшее дерево. Почему-то глазницы у него были пустыми, он ничего не видел.

Мать знала, что отец делал это со мной. Она ревновала и несколько раз пыталась меня убить. Всё-таки она была женщиной.

Она кричала что-то бессмысленное: «Ты должна была умереть тогда! Не сестра, а ты должна была умереть! Ты мертва!»

Она столкнула меня в речную отмель и отлупила молотильным цепом, я думала, правда умру. Но я та, что в младенчестве пролежала два дня на отмели, так что, фу-фу-фу.

– И всё же, при такой матери, она иногда рассказывала мне старые истории. Как приглашали домой знаменитого актёра, как во дворе громоздились мешки с рисом, как служанка

учила её играть в мяч под песенку, как ярко были заморские сладости... И это была вовсе не ложь.

Почему? Потому что отец рассказывал ровно то же самое. Когда он был в хорошем настроении, он тоже говорил о том, как жил на Сикоку, и это были те же самые истории, что у матери. Рассказы о доме и родителях – у них совпадали до мельчайших подробностей. Странно, правда? Ведь отцовский дом и родня, и материнские – обычно разные вещи.

Ах, ну всё. Не хотела говорить, но скажу. Заметил я эту странность, когда уже подросла. Как-то раз, совершенно случайно, меня осенило: не то чтобы похоже, а просто одно и то же.

Так и было. Отцовские родители и материнские родители – одни и те же люди. Отец и мать – родные брат и сестра. Родились из одного чрева.

В восточном саду, в глинобитном складе, где лежат бледно-зелёные тени. В глубине, за раздвижными дверями с узором из бледно-розовых вишен. На веранде, откуда виден внутренний дворик с двойным рядом гортензий... Они оба рассказывали мне об этом так часто, что я уже и сама словно всё видела – и в каждом уголке того дома они совокуплялись как брат с сестрой.

Вероятно, это открылось, и им пришлось бежать от родных, из родных мест.

Так они и добрались до самой Цуямы. Стали мужем и женой, но, видно, деревенские каким-то образом прознали, что они не обычная чета.

Вот почему нас не жаловали в деревне. Хотя у деревенских почти у всех фамилии были одинаковые. То есть они тоже роднились между собой. Но, наверное, такой близкой крови, как у моих родителей, больше нигде не было.

Вот почему меня звали ведьминым отродьем.

Может, потому я и вижу демонов.

Когда голод становится неумолим, голодные духи подходят так близко, что касаются моих щёк. И они нарочно заставляют меня вспоминать того полицейского. Чтобы я плакала.

Среди голодных духов есть такие, что могут пить только слёзы. Это они заставляют меня плакать, чтобы лизать мои щёки. Интересно, что они совершили при жизни?

Голодный дух, который ест только кал, и голодный дух, который пьёт только слёзы, – у кого из них карма тяжелее?

Вы, господин... не попадёте в ад, где живут голодные духи. Я это знаю. Я родилась на Намэрасу-дзи.

Значит, в рай?... Я, хоть и куртизанка, но честная, и это, наверное, одна из причин, почему я не пользуюсь спросом.

Господин, вы не в раю. Но не волнуйтесь, вы и не в аду бесконечных мук.

Вы скоро переродитесь человеком. Как только умрёте – сразу. Тот свет пролетит как миг. Богачом или бедняком – не знаю, но человеком – это уже хорошо. И если родитесь мужчиной...

Мы, девки, всегда говорим между собой: «В следующий раз родиться бы богачкой. А если не получится, то хоть мужчиной».

Я не хочу ни того, ни другого. Я больше не хочу рождаться в этом мире. Хо-хо-хо.

А? Кажется, вы начали засыпать? Ну и славно. Отдыхайте...

Ой, что это вы вдруг открыли глаза?

– Комомо?... Ах, Комомо. Не хочу я говорить о других девках.

Господин. Комомо уже нет в этом доме.

Не потому, что кончился срок. Не потому, что её выкупил какой-нибудь богач.

Комомо умерла.

Ну вот, я совсем разбудила вас. Не надо вставать, всё в порядке.

Комомо... сама лишила себя жизни.

Вы думаете, она не такая, чтобы наложить на себя руки? И правда, она была миловидной, но на редкость глупой. Все остальные девки смеялись над ней.

Я тоже... я её очень не любила. Честно говоря, терпеть не могла.

Нельзя говорить плохо о подругах? А тем более о мёртвых?

...Вы правы. Но что поделать, если я её ненавидела.

Хотите услышать про Комомо? Что ж, расскажу. Эта девка украла у хозяйки кольцо с бриллиантом. И когда её уличили, она сама во всём призналась.

Её пытали в комнате для футонов. Меня тоже так пытали, когда я только попала сюда. Даже я, привыкшая ко всякой боли, чуть не сошла с ума.

Нет-нет, господин, не бьют и не пинают. Тело – это товар, его не калечат.

Её мучили так, чтобы не оставить следов. А женщины в пытках всегда жесточе. У них силы меньше, зато они умеют продлить страдания. Мужчина ударит – и можно отключиться.

Хозяйка командовала, и все наваливались на неё. Раздели догола, зажали рот полотенцем, чтобы не кричала, несколько человек держали, чтобы не вырывалась. ...Я тоже держала. Комомо так намочилась, что не понять, как столько вместилось. Подвешивали к балке и окуривали дымом от горящих сосновых игл – это невыносимо. Я всерьёз молила о смерти, чтобы избавиться от мук.

Её не кормили, не поили, держали связанной, и без того странная голова стала ещё страннее: Комомо всё время смеялась. Да-да, смеялась, заливаясь слезами.

Хотя нас, проданных сюда, и сравнивают со скотом, слёзы у нас текут по-человечески.

...Зачем я так подробно рассказываю? Потому что она это заслужила. Потому что я хочу это вспоминать.

Комомо была единственной выжившей после самоубийства всей семьи. Её взяли к себе дальние родственники-крестьяне, но как только ей исполнилось шестнадцать, её продали сюда, словно только этого и ждали.

Приёмные родители были жуткими скрягами, и на каждый праздник они бессовестно требовали денег. Комомо только наращивала долги. Сколько бы она ни зарабатывала – она была всего лишь девкой второго-третьего разряда, и расплатиться не могла.

Но, как вы знаете, господин, Комомо, даже живя в аду, у себя в голове жила в раю. Она твердила, что её не продают и не покупают за деньги.

Что мужчины приходят к ней, потому что любят её. Что её навещает возлюбленный. Другой такой дуры не сыскать.

«Моя семья на самом деле очень богатая. В другие времена я была бы принцессой», – было её любимой присказкой. И следом обязательно кто-нибудь язвил: «Тогда что же ты здесь делаешь?» – и все смеялись.

Я?... Ах да, я одна обращала на неё внимание. Не из жалости. По злобе, просто чтобы позабавиться: услышать что-нибудь позабавнее, а потом посмеяться над ней.

Вы говорите, Комомо считала, что мы с ней «дружны»?

Что за чушь несла эта дура. Кто ж с ней...!

...Ах, простите, господин. Я правда её ненавижу. Ненавижу до смерти.

Комомо повесилась в комнате для футонов.

Это были её последние силы. ...По секрету, это я её нашла. Я привыкла к трупам водяных детей, но взрослый труп – это страшно. Особенно открытые глаза, в которых ничего не отражалось...

У Комомо нет ни посмертного имени, ни храма, никто за неё не молится. Её бросили в ближний «храм-помойку» для безродных. Как водяного ребёнка.

Приёмные родители даже не сообщили о её смерти – побоялись, что придётся отвечать за долги. Никто не пришёл с цветами, никто не зажёл благовония. Даже постоянные гости. Мёртвая куртизанка стоит меньше, чем конский навоз на дороге.

Полицейский, правда, приходил – но, узнав, что она повесилась из-за долгов и кражи, быстро ушёл. Это был вовсе не тот полицейский из моего детства, а какой-то жалкий старик.

Хозяйка тоже помалкивала о кольце – у неё было много причин не привлекать внимание. А монаха позвали не для того, чтобы проводить её в рай, а чтобы упросить не являться с проклятиями.

Я присмотрелась – и узнала того самого монаха из храма, что был в моём детстве. Того, что показывал мне адскую картину и приставал ко мне. Я его сразу не узнала. А ведь теперь, если заплатить, он согласится на что угодно и отправит в рай. Хо-хо-хо.

Если его молитвы дойдут до Комомо, она не то что не обретёт покой – она вообще застрянет между мирами.

...Как-то раз кто-то пожаловался: «Хорошо бы такое место, где можно есть вкусную еду, спать днём, носить красивые кимоно и всегда смеяться». Комомо ответила: «Рай – это и есть такое место».

И тут же кто-то огрызнулся: «Дура. В рай надо умереть».

А Комомо сказала: «Тогда и умереть не жалко».

Тогда другая девка рассердилась: «Куртизанка в рай? Мы же ничего хорошего не делаем. Нам прямая дорога в ад». Комомо ужасно испугалась.

Она, вечно такая простодушная, испугалась по-настоящему. Мне стало её немного жаль, и я сказала: «Может, у Энмы бывают ошибки. Ты всегда такая весёлая, может, тебя отправят в рай». Комомо засмеялась.

Дура. Нет дурака больше, чем тот, кто поверил мне, такой...

– Но в итоге кольцо так и не нашли.

Сколько ни пытали Комомо, она так и не выдала, где оно. Она призналась, что украла, но место так и не назвала. Может, она кого-то покрывала?... Нет, вряд ли...

Сейчас она, наверное, в аду. Перед Энмой молчание не поможет.

Впрочем, при жизни она и так была в преддверии ада, так что ничего не изменится.

...Господин, господин, вы уже спите?... Кажется, и правда уснули. Столько я о вас заботилась, а вы так быстро заснули.

Ну что ж, тогда, сестрица, теперь твоя очередь просыпаться.

Побудь со мной, поговори. Чтобы я не заснула, говори со мной.

Так хорошо?... Подложить подушку?... Откинься немного влево?... Хорошо. ...Ах, какая же луна! В раю, наверное, всегда солнце. А в аду – вечная полночь.

Ты ведь знаешь, сестрица. На самом деле я не ненавижу Комомо.

Может, даже люблю её так же, как того полицейского.

Но Комомо надо ненавидеть.

Думать о полицейском и плакать – можно, но вспоминать Комомо и плакать – нельзя.

Ты ведь меня поймёшь, сестрица.

Комомо ушла в рай.

Она, может, и была блудницей, но сердце у неё было чистым-чистым.

Она знала, что кольцо украла я. И она покрыла меня.

Она любила меня, потому что я одна слушала её.

А я помогала пытать её.

И мало того... ты ведь знаешь, сестрица.

Это я задушила Комомо.

Не потому, что боялась, что она расскажет про кражу.

Я хотела отправить её в рай.

Душить было легко. Я взяла её сзади, но она повернула голову и взглянула на меня. Такими красивыми глазами. Глазами, что верят людям. Это было страшно.

Когда я почувствовала, как её тело бьётся в судорогах, я отчётливо поняла: теперь Комомо попадёт в рай.

А я решила, что пойду в ад.

Мне не нужно, чтобы Энма решал. Я решила ещё при жизни.

Сама решила. Что пойду в ад.

За всю свою жизнь я никогда ничего не решала сама. Даже не хотела решать. И единственное, что я решила, – это идти в ад. Не быть сброшенной, а пойти самой.

Вот почему я должна ненавидеть Комомо.

Если я скажу, что люблю её, Энма подумает, что у такой доброй девушки, как Комомо, есть такая злодейка-подруга. И если злодейка – её подруга, то и Комомо, наверное, злодейка, и сбросит её в ад. Потому я и ненавижу Комомо.

Ненавижу, ненавижу и убила её. Комомо задушил тот, кому она доверяла больше всех.

Может ли быть что-то более печальное? Энма, сколько бы ни ворчал, Будда наверняка возьмёт её за руку и уведёт в рай.

Я задушила такую хорошую девушку, которая ещё и взяла на себя вину за кражу. А смерть я обставила как самоубийство. Иного способа исполнить желания обеих не было.

Сестрица. Ты ведь знаешь, раз я иду в ад, значит, и ты идёшь в ад. Сколько бы ты ни думала о высоком, это не поможет. Сколько бы ты ни читала священные сутры – всё бесполезно.

Ты ведь не убивала отца, не воровала, не убивала подруг, не была блудницей, а всё равно попадёшь в ад со мной за компанию.

Нет, это я, может быть, за компанию с тобой. ... Впрочем, какая разница.

Мы ведь и так родились и выросли в самом аду.

Да и вообще, я родилась по ошибке. Меня оставили жить по ошибке.

Одной бродить по аду тоже неплохо, но вдвоём с тобой – лучше.

– Однако, господин. Вы, случаем, не притворялись спящим?

Ну-ну, не надо так напрягаться.

Я что, рассказала что-то страшное? Это ведь ваш сон, сон. Я ничего не говорила. Ах, вы совсем как дитя, свернулись калачиком. Хо-хо-хо.

...И всё же, какой вы странный человек. Хотите продолжения истории про сны? Что ж, хорошо. Это ведь сон. И верить словам куртизанки – глупо.

Когда проснётесь, забудьте. А если не забудете, то продолжение этого страшного сна будет каждую ночь мешать вашему отдыху.

Та «сестрица», о которой я говорила? Если уж вы решили, что это сон, я могу с ней вас познакомить.

Давайте-ка, я помогу вам сесть. И волосы распушу, вот так.

Господин, теперь вы поняли, почему у меня такое странное лицо? Почему глаза и нос задираются к левому виску – теперь вы знаете причину.

Ну-ну, что же вы рот открыли? Как вы вспотели. Я всё обмахиваю вас веером, но лето есть лето. И какой у вас обильный пот. А кожа-то вся в мурашках.

Это и есть моя сестра. Можно сказать, мы двойняшки. Ах, господин, я ведь сказала только, что «сестра не выжила», но ни разу не говорила, что она умерла.

«Не выжила» – значит, не была человеком. Но жизнь в ней была.

У близнецов тот, кто родился первым, становится младшим. Я родилась ногами вперёд, так что та, что была прикреплена к моей голове, по праву считается старшей. Если бы я родилась головой, то старшей была бы я.

– Говорят, такие странные близнецы описаны ещё в книгах времен Эдо.

Сказал это тот самый вонючий монах, так что особенно верить не стоит.

А? Вы говорите, это не близнецы? Тогда что же это?

...Может, лицевая язва?

Может быть. В конце концов, это скорее чудовище, чем сестра.

Да, с самого рождения она приросла вот так к левой стороне моей головы. И притом – только лицо. Глаза, нос, рот – всё на месте. Вот, посмотрите. Волос и бровей нет, правда.

Не закрывайте глаза, смотрите внимательно – ведь это сон.

Зубов тоже три штуки вылезло. И вот эти зубы – сушая беда. Когда она сердится или в плохом настроении, она впивается ими мне в голову – боль невыносимая.

А ведь размером она всего с кулачок младенца.

Оправдываться уже поздно, но что касается отца... Да, ударила его молотильным цепом по затылку я, но подбивала меня, кусая и подстрекая, – эта сестрица. Она сама хотела удовлетворять похоть, но не могла, и злилась.

А когда ей невыгодно, она закрывает глаза и притворяется простой шишкой.

Единственное утешение – что она не спереди и не сзади. Ха-ха-ха. Она знала, что куртизанка спит на правом боку. Значит, мне было суждено стать куртизанкой.

Здесь-то никто не знает. Только мать знала. Отец так и умер, не узнав. Он только на мои бёдра и смотрел.

Я всегда мылась одна, и волосы мыла так, чтобы никто не видел, так что никто не знает. Только одна Комомо узнала.

Когда я её душила, она пыталась вырваться, и в тот момент ухватила за мои волосы... и увидела сестру.

Комомо?... Если последнее, что она увидела в этом мире, была моя сестра, она сможет уйти без сожалений.

...Господин, после того как вы проснётесь, забудьте об этом.

Злоба моей сестры ужасна. У неё нет тела, зато сила духа огромна.

...Сестрица, сестрица, покажись ему.

Ну вот. Если она улыбнётся вот так, даже такое чудовище может показаться немного милым.

Сестра держит во рту бриллиантовое кольцо.

Это не я хотела его взять. Это она захотела.

Наверное, из-за своего вида она иногда плачет: «Хочу видеть что-нибудь красивое».

Ах да, она не может говорить ртом, но наши головы соединены, так что наши мысли передаются друг другу.

Она часто думает о полицейском. Но плакать не может.

Нам уже всё равно на святое и божественное. К чему нам теперь молиться на святыни?

Мы хотим только увидеть что-нибудь красивое-красивое, прекрасное, перед смертью.

Но сейчас, когда я смотрю на это кольцо, оно кажется скучным. Всего лишь блестящий камень.

Вон те камешки, что валялись на отмели, куда сбрасывали водяных детей, были лучше. Иногда попадались камни, на которых проступали лица младенцев. Все они улыбались. Тосковали по родителям.

Но это кольцо как раз подошло по размеру её зубам, и когда она держит его, оно красиво блестит на свету, и ей, видно, радостно.

Ах, ну всё. Не заставляйте меня повторять одно и то же снова и снова.

Это сон. Я рассказываю всё, потому что надеюсь, что вы забудете, когда проснётесь.

А если не забудете...?

Господин, тогда вы и вправду уже не вернётесь.

Во-первых, вы не спуститесь с этого второго этажа живым. Хо-хо-хо.

На самом деле, господин, меня продали сюда в шестнадцать, и сейчас уже седьмой год. Срок моего контракта истекает. Мир страданий... да, этот тонущий мир страданий – осталось всего полгода.

Я смогу выйти отсюда и жить как хочу. Хотя я даже не знаю, что значит «хочу» и «как хочу».

Все долги выплачены.

Но матери уже нет в том доме.

Она сказала, что идёт в паломничество, забрала все деньги и уехала на Сикоку.

Нет, может, вернулась. В тот большой дом, где в саду пруд с карпами.

Так что, когда я выйду отсюда, я останусь одна.

Ну, сестра пойдёт со мной до самого дна ада.

Странно, если подумать. Каким бы одиноким ни было моё положение, сестра всегда будет со мной.

Вы, наверное, знаете, господин. В конце этого года между Окаямой и Цуямой пустят паровоз. Говорят, железная машина будет мчаться быстрее пули.

Когда я выплачу долги, у меня не останется ни гроша из того, что я заработала здесь.

Но я отложила достаточно, чтобы купить билет в один конец на этот паровоз.

Из еды здесь дают только чашку чая с рисом ночью. А остальное, как вы знаете, я покупаю сама. Я сэкономила на всём и копила.

Что ж, голод мне не в новинку, так что это не так уж тяжело.

И похоть с нелюбимыми мужчинами – тоже.

У куртизанок много правил, в том числе – нельзя носить носки даже зимой. Но я купила себе носки.

Белые-пребелые, красивые-красивые носки. Я надену их, сяду на паровоз и вернусь в Цуяму. Только ради этого я и терпела всё это время.

Сестре билет не нужен, фу-фу-фу. И носки тоже не нужны.

Пусть держит во рту бриллиантовое кольцо.

Конечная остановка – Цуяма. А оттуда нужно идти пешком через горы, поля, рисовые межи и заросли. Мои белые носки превратятся в грязь.

Хочу ли я вернуться?

Нет, просто мне больше некуда возвращаться.

Там никого нет, никто не ждёт, там стоит заброшенная лачуга. Лучше спать на улице, чем в таком месте. Воняет там кровью, калом и злобой.

Даже если бабки-детодушительницы уже нет, водяных детей по-прежнему будут бросать на ту отмель, и они будут плакать.

И всё же я вернусь туда.

Если бы только паровоз не остановился в Цуяме, а довёз меня напрямик до самого ада.

Представьте: я сижу в паровозе, в хорошем настроении, начинаю дремать, и... проезжаю мимо Цуямы и попадаю в самый настоящий ад. В дрёме, в озеро крови.

Что же я увижу из окна по пути в ад? Наверное, сначала не покажут горы игл и озёра крови. И демоны не появятся сразу. Сначала покажутся сломленные люди.

Наверное, там будет пустой пейзаж.

Красная земля, чёрное небо. Посередине течёт грязная река. Летают тощие птицы.

Должно быть, это тот же пейзаж, что я видела до рождения.

Правда, сестрица? Пойдём домой вместе.

Ну что ж, господин. Отдыхайте... спите спокойно. Надеюсь, вам приснится хороший сон.

Господин, просыпайтесь. Уже утро. Слышите звон колокольчика слуги? Посмотрите в окно – небо синее, как краска.

Что это вы с таким отсутствующим видом?

Не спалось? Сны... ведь снов вы не видели.

Вы крепко спали.

Ну-ну, забудьте странные сны и работайте сегодня бодро.

Прошу прощения за спешку, но сегодня моя очередь мыть уборную и ванну, хо-хо-хо.
...Что вы щуритесь? Волосы? Ну конечно, нельзя показываться гостю в растрёпанном виде. Пока гость спит, нужно успеть привести себя в порядок.

Приходите ещё, обязательно.

А? Вы хотите прощального поцелуя?

Того, губами? Как-то неловко.

Но, господин... обязательно закройте глаза.

Что-то звякнуло о зубы?

Это мои зубы.

Что? Зубы держали что-то твёрдое, металлическое?

Ну и говорите. Ах, волосы растрепались.

Кто-то выглянул из-под волос? Вы видели красный язык? С утра пораньше такие интересные вещи.

...Господин, что это у вас во рту?

Блестит... красиво, правда.

– Похоже, моя сестра в вас влюбилась. Как же быть?

Ящик для доносов

В префектуре Окаяма в связи с распространением холеры в деревне ХХ за зданием сельской управы установлен ящик для доносов. Если в окрестностях есть подозрительные больные или скрывающие болезнь, просьба опускать их имена в этот ящик. Ящик снабжён замком, и опустивший письмо может остаться анонимным. Решено всячески поощрять это в целях предотвращения эпидемии.

Первый день шестого месяца тридцать четвёртого года Мэйдзи, сельская управа деревни ХХ в уезде Вакэ.

– Однако городское управление Окаямы – это совсем другое дело. Говорят, раньше там была усадьба самурая, стены такие ослепительно белые, а красавиц, что окончили женскую школу, – пруд пруди. Не то что наша закопчённая деревенская управа.

В той закопчённой управе единственным, кто носил европейскую одежду, был помощник старосты Сибата. Но на ногах у него были соломенные сандалии, и он то и дело издавал внезапные гортанные выкрики. Особенно участились они с прошлого месяца, когда староста из-за травмы спины перестал приходить в управу. При каждом таком вскрике низко висящая керосиновая лампа под низким потолком раскачивалась, а на тёмных стенах плясала тщедушная тень помощника старосты.

В его речах всегда смешивались превосходство и неполноценность – это было низкопоклонное хвастовство, нечто вроде надменной самоуничижительности. Самым большим поводом для гордости было то, что он окончил педагогическое училище в Окаяме, но все его однокашники теперь служили в Окаяме или Кобэ и стали людьми видными. Он же, хотя и дослужился до помощника старосты, в этой захолустной деревне с едва ли тридцатью дворами мог важничать только перед горсткой крестьян.

– Белые стены – ладно, но вот красотку, окончившую женскую школу, я бы не прочь заполучить.

По словам помощника старосты Сибата, «крестьяне, кое-как умеющие читать и писать», реагировали на него с такой же предсказуемостью, как и на свои повседневные заботы.

– Если бы помощник старосты стал ещё важнее, может, и нам бы перестроили здание.

Таких, кто поддакивал и подмазывался к помощнику, было пятеро. А тех, кто отвечал с мягкой иронией или намёком, – двое. И лишь один человек не вставлял ни слова и не отрывался от работы.

Самый молодой в управе, Катаяма Кодзо, которому ещё не исполнилось тридцати, молча продолжал проверять однообразные ведомости по учёту зерна. На его губах играла лёгкая горьковатая улыбка, но это не было презрением к помощнику. Это была сдержанная учтивость, которая говорила: «Я не питаю к вам злобы, господа». Он никогда не высказывал этого словами, но считал, что, в отличие от помощника, который съездит в управу Окаямы или в префектуральную управу, становится там низкопоклонным, а по возвращении начинает важничать, он сам – человек более рассудительный и довольный своей участью.

Кодзо был третьим сыном в зажиточной крестьянской семье. После высшей начальной школы он поступил на службу. Его взяли в управу благодаря хорошей успеваемости, но родителям и ему самому было ясно, что с таким образованием о карьере нечего и мечтать. Однако зарабатывать на жизнь умственным трудом – чтением, письмом, счётом на счётах – и быть прислужником при деревенских знатностях, вроде членов сельского совета, старосты или помощника старосты, уже было неплохо. Для родителей Кодзо был гордостью, даже больше, чем старший брат, унаследовавший хозяйство, или второй брат, ставший зятем в богатой семье соседней деревни. Оставаться таким сыном было легко: делай сегодня то же, что и вчера.

Справляйся с порученной работой и вовремя возвращайся домой – и жена, и дети будут вечно неизменны.

Кодзо опустил взгляд на уже потемневшие руки и сдержанно вздохнул. В тусклом свете лампы роились мошки. Уже лето. На тонкой хлопковой одежде проступали пятна пота. Жена Томи старательно стирала, но влажная ткань всё равно липла к телу.

– Кстати, говорят, опять начинается эпидемия.

Помощник старосты, который всё время энергично обмахивался веером, теперь понизил голос. Мужчина, сидевший рядом с Кодзо, хлопнул себя по затылку, прихлопнув комара, и тоже перешёл на шёпот.

– В нашей деревне уже есть умершие.

В этот миг рука Кодзо остановилась. Как раз сейчас он перевернул страницу свидетельства – и имя, записанное там, даже в тусклом свете читалось отчётливо. Это было имя старика из соседнего дома. На днях его изолировали в лепрозорий из-за той самой болезни, о которой помощник говорил шёпотом, и он вскоре умер.

– Одолеть тигра-генерала может волк, что ли? Не сходить ли нам всем в управу да в храм Кинояма?

– Но храм Кинояма – это же в уезде Дзёбо или Каваками? Далёко ведь.

Кодзо знал, что другое название холеры – «генерал Тигр», а в храме Кинояма в Такахаси священным посланником почитается волк, однако женское имя, которое они затем произнесли со странным смехом, было ему незнакомо.

– Не надо ездить так далеко, можно же попросить родителей Осаки помолиться.

– Да, родители Осаки – мастера своего дела. Они уже объявили, что получили часть божественной силы из Кинояма.

– Нет, что ни говори, а лучший торговец – сама Осака.

Кодзо поднял голову и увидел за спиной помощника Сибаты, сидевшего у тёмной стены, странную тень. Там должна была быть только тень помощника, но появилась ещё одна. Эта тень, вырисовывавшаяся на грубой глиняной стене, нависала над тенью помощника. И как же можно было по одной тени понять, что это женщина?

Кодзо некоторое время не замечал, что всё его тело онемело. Глаза пересохли – он не мог моргнуть. Зажатый между покосившимся грубым деревянным столом и стулом, Кодзо произнёс почему-то имя старика, умершего на днях от холеры, – не матери, не жены. Как только настенные восьмиугольные часы с ослабшими винтами жалобно пробили, Кодзо словно освободился от странных чар. В комнате, где лица уже расплывались в полумраке, слабый свет лампы сопровождался жужжанием насекомых. Помощник уже встал и направился к выходу. Он стоял спиной к ним, глядел на улицу и курил трубку. Странной тени нигде не было. Исчезла и тень самого помощника...

Тяжёлая, пропитанная потом одежда была неприятно холодной. Кодзо боялся признаться себе в том, что испытывает страх. Он верил, что в тот миг, когда он признает это, та тень перейдёт к нему за спину, и убеждал себя: «Это всего лишь прислужник плохо протёр стекло лампы, и на стене отразилось странное пятно».

Но тут Кодзо снова увидел нечто необычное: из мундштука трубки помощника дым струился против ветра. В следующий миг он почувствовал женское дыхание у своего уха. Женщина тихо засмеялась, но слов было не разобрать, и, пройдя сквозь стену, вышла наружу. Кодзо, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом, ещё долго вглядывался в ту стену. «Я просто устал», – насильно прошептал он.

Дорога к деревне, где жил Кодзо, представляла собой пологий склон. В городе Окаяма фонарики обходят с огнём каждый дом, но в такой глухой деревне на это нечего надеяться. Когда он поднимался по склону, ему ориентиром служил свет в доме Хосои, который первым появлялся впереди. Это был радостный маяк, возвещавший о приближении к дому, где во

дворе росла большая хурма. В том просторном дворе всегда кто-то был: дедушка колол дрова, хозяин рубил дрова, маленькая дочка нянчила младшего брата, или бабушка сушила бобы на циновке, пока невестка стирала бельё. Кто-нибудь из них обязательно окликал его, и Кодзо отвечал на приветствие. Если окликала невестка, ему хотелось поболтать лишнее, но разговоры ограничивались безобидными деревенскими новостями – кто выходит замуж, пробовал ли он уже содовую «Санъё Рамунэ». Иногда ему хотелось поговорить о чём-то другом, но, вспоминая о мощных руках Дзюнго, который всегда был чемпионом на праздничных турнирах по сумо и даже получил орден Золотого коршуна за русско-японскую войну, Кодзо мог лишь выдавить робкую улыбку.

Но сегодня во дворе никого не было. На бумажных раздвижных дверях горел оранжевый свет, но звуков не доносилось. Кодзо почувствовал не столько подозрение, сколько досаду: он привык, что его здесь встречают.

Внезапно под деревом хурмы кто-то зашевелился. Вначале Кодзо принял это за дедушку – фигура была в бледной одежде, и в остаточном свете дня резко выделялись глубоко запавшие глаза и впалые щёки. Но телосложение было иным. Дедушка должен был быть таким маленьким, что его можно было принять за ребёнка. А этот был намного выше Кодзо.

Кодзо не мог двинуться. Взгляд прикован к нему. Вдруг тот человек присел под хурмой, и раздался звук льющейся воды. Затем в нос ударил невыносимо тошнотворный запах. По земле растекалась мутно-белая жидкость. Это был сильный понос. Раздался пронзительный крик. Это был не птичий крик. Босиком выбежала жена Дзюнго, и Кодзо наконец понял, что странная фигура – не дедушка и не призрак, а сам Дзюнго. «Ах!» – вырвалось у Кодзо вслух.

Холера. Дзюнго заболел.

Оранжевый цвет стал зловещим. Жена Дзюнго, стоявшая за его спиной, смотрела на Кодзо пронзительным взглядом. Это был не взгляд односельчанки – она глядела на сотрудника управы, причастного к изоляции больных. Скрежеща зубами, она закричала – её лицо было таким, что невозможно было представить её обычную милую улыбку с пухлыми щеками.

– Ничего не случилось! Убирайтесь отсюда!

Кодзо без слов бросился бежать. Его сердцебиение и шаги слились в один ритм. Грудь сдавило, и он задерживал дыхание. Забытые были детские страшные картинки ожили с новой яростью, но такие простые призраки – всего лишь выдумки. Запах испражнений поднимался на западном ветру, превращался в тени и бактерии и преследовал Кодзо. Ему захотелось заплакать, как ребёнку, когда он подумал: «А что, если моего дома больше нет?» Низкие серо-чёрные тучи тяжело нависали над всей деревней.

– Что случилось? Упал в реку, что ли?

Томи широко раскрыла глаза и встретила почти промокшего насквозь Кодзо. Она сразу принесла ведро и поставила его на порог. Расстегнув ему ворот, она стала заботливо вытирать его тело.

– Говорят, Дзюнго из Хосои заболел холерой.

Выговорив это, Кодзо наконец перевёл дыхание. Томи, которая полоскала полотенце, слегка нахмурила своё круглое лицо. Томи никогда не показывала своих чувств. Как и Кодзо, которого считали серьёзным и безупречным человеком, Томи слыла спокойной, умной женщиной. Возможно, потому, что она рано потеряла родителей и выросла у деда с бабушкой, она особенно нравилась старшим. Она не выказала большого удивления при словах Кодзо. Быстро сняв с него одежду, она положила её вместе с полотенцем в ведро. Две маленькие дочери – Кадзуко и Мисако – испугались необычной обстановки и не выходили из дальней шеститатами комнаты.

– Не бойтесь, отец не заразился ничем.

Томи сначала обернулась к детям, потом открыла комод, чтобы достать сменную одежду.

– В доме Танабэ тоже вся семья слегла. А они разбросали вокруг дома всю дезинфекцию.

С детства Кодзо помнил, что вокруг домов больных холерой разбрызгивали раствор карболовой кислоты. Смешанный с запахом испражнений, этот запах был для него одновременно ужасным и ностальгическим – частью его ранних воспоминаний.

– Раз в доме Танабэ заболела вся семья, их отправили в лепрозорий. А у Хосои... раз ты знаешь, то изоляции не избежать.

В доме, где появился больной, стараются скрыть это. Молва о том, что «в лепрозории выкачивают живую кровь», была страшнее распространения инфекции. С точки зрения Кодзо, он должен был опровергать эти глупые слухи и убеждать людей лечь в больницу. Он, работая в управе, действительно посещал лепрозорий и видел, что там дают лекарства и купают в лечебных ваннах, а вовсе не выкачивают кровь. Хотя шесть из десяти больных всё равно не выживали.

Сообщить о заражённом в доме Хосои и организовать изоляцию в лепрозории – таков был долг Кодзо. Однако Кодзо и прежде не раз слышал слухи о том, что кто-то заболел, но делал вид, что не знает, и ждал, пока кто-нибудь другой сообщит. Или же ждал, пока больной умрёт втайне. Если бы стало известно, кто сообщил, это не привело бы к полному ostracismu, но больной и его семья обязательно возненавидели бы его. И действительно, были случаи, когда это приводило к кровавым стычкам.

Он покрылся мурашками не только оттого, что был раздет. Он вспомнил пронзительный взгляд жены Дзюнго, и у него похолодело в спине. Конечно, та семья тоже пыталась скрыть болезнь Дзюнго. Но их увидел он. Если бы Дзюнго изолировали по чьему-то доносу, они наверняка заподозрили бы доносчика, а точнее, считали бы им Кодзо. Сколько бы он ни убеждал их, что лепрозорий – это хорошо оборудованное учреждение, всё было бы напрасно. Его бы ненавидели как предателя, продавшего односельчанина.

– Томи.

Кодзо невольно окликнул жену. Томи, которая сзади накидывала на него сухую чистую одежду, была обычно тихой и незаметной, но в такие моменты казалась ему такой большой, что хотелось уцепиться за неё. Кодзо, как нашкодивший ребёнок, оправдываясь, высказал ей свои тревоги. Дочки наконец вышли к очагу и беззаботно играли в камешки. Мысль о том, что этот ничем не примечательный, но спокойный день может измениться, была ему невыносима. Это казалось ему даже более несправедливым, чем заразиться холерой.

– Я поняла. Не о чем беспокоиться. Ты делай, как всегда.

Завязав ему пояс, Томи тихо прошептала. Затем, немного подумав, она высказала одну идею. Это было не совсем надёжное решение, но Кодзо оставалось только положиться на Томи.

Кодзо немного успокоился, но о странной тени, которую он видел за спиной помощника, он не рассказал. Дзюнго – реально существующий человек, а странная тень – всего лишь странная тень. Даже Томи, наверное, не справилась бы с галлюцинациями. «Да, это просто усталость», – подумал он. Ближайшей заботой был Дзюнго. А с этим могла справиться Томи. Томи и впредь будет вечно почитать мужа и до самой смерти останется умной, надёжной невесткой, оберегающей дом. А потому не стоит рассказывать о тех странных слухах о женщине...

Сон был неглубоким, но на следующий день Кодзо проснулся в обычное время. Завтрак Томи, за исключением солений, был весь горячим. Томи получила лишь начальное образование, едва умела писать хираганой, но её представления о гигиене были твёрдыми. Всю еду она проваривала, а когда начиналась холера, она не давала ему с собой обеда, а заставляла возвращаться домой. Такая женщина была в деревне редкостью.

К тому же, хотя она сама носила только приданое, она считала, что человеку, работающему в управе, стыдно выглядеть бедно, и покупала Кодзо новую одежду на лето и на зиму. Она усердно занималась надомным ремеслом – плетением соломенных шнурков, а также молча помогала в работе на рисовых полях семьи старшего брата. Как и для родителей Кодзо он был самой большой гордостью, так и Томи была для них лучшей невесткой.

Когда помощник старосты Сибата появился в управе ближе к полудню, все внутренне похолодели, но внешне показали ту же реакцию, что и всегда. А именно:

– Должно быть, это летняя простуда от переутомления. Если тяжело, возвращайтесь и отдохните.

Так, с озабоченными лицами, сказали пятеро.

– Если будете сидеть с таким лицом, все, кто приходит в управу, разбегутся.

Нахмутив брови, сказали двое, но даже они, даже в шутку, не решались сказать: «А не та ли это заразная болезнь?»

– Нет, это не та болезнь, которой вы боитесь. Поноса у меня нет.

Хотя сам помощник и заговорил об этом, голос его был необычным. Он старался говорить громко, но голос был хриплым. Последний человек, обычно лишь слегка улыбавшийся, – Кодзо – изо всех сил отводил взгляд, который то и дело норовил устремиться за спину помощника. В это ясное утро в старом деревянном здании с низким потолком повсюду были тени. Даже под рукой, сжимавшей кисть, лежала тень.

Лицо помощника было поразительно похоже на лицо Дзюнго. Глаза ещё не впали, щёки не осунулись, но под глазами были тёмные круги, а губы имели землистый оттенок. Обычно на его круглом лице было мало морщин для его возраста, но сегодня морщины, словно вырезанные резцом, бросались в глаза. Даже сидя на месте, он постоянно обводил налитыми кровью глазами всё вокруг. Один из его приближённых подчинённых был тайно вызван. Кодзо, старательно заполняя однообразные бумаги, делал вид, что не смотрит в ту сторону.

Хироэ – полная, белокожая женщина, редкая красавица для здешних мест, с детства знакомая Кодзо как приветливая тётушка. Но сейчас в её глазах затаилась враждебность.

– Ах, это вы, Катаяма-сан. Мой муж в порядке. Просто он уехал в город по делам. Вернётся через несколько дней.

– Да я просто проверяю, все ли здоровы. Эпидемия ведь. Велено обходить все дома.

Хироэ с явной неохотой отступила от входа, пропуская его. Кодзо перешагнул порог и окинул взглядом просторный дом. Внутри было чисто, пахло циновками и сухими травами. Всё выглядело обычно, но Кодзо чувствовал странное напряжение. Он прошёл вглубь, заглянул в комнаты. Хироэ шла следом, не сводя с него настороженного взгляда.

В одной из комнат он заметил смятую постель, которую явно торопливо убрали. На подушке лежала мужская рубашка. Хироэ перехватила его взгляд и быстро сказала:

– Это мой муж перед отъездом отдыхал. Он устал, но здоров.

– Ну, если так, то я спокоен. – Кодзо вежливо поклонился. – Если что-то случится, сразу сообщите в управу.

Он вышел, чувствуя спиной её взгляд. На улице он перевёл дыхание. В этом доме что-то не так, но доказательств нет. Он отметил это про себя и направился к следующему адресу.

На полпути он вспомнил про Осаку. Сердце забилось быстрее. Он нарочно выбрал её дом последним, чтобы никто не заподозрил лишнего. Она жила в заброшенном доме на окраине, у подножия холма. Говорили, что она дочь странствующих знахарей, которые обманывали людей, выманивая деньги. Сама Осака слыла распутной женщиной, готовой отдаться любому за плату, а то и просто так.

Кодзо подошёл к дому. Облупившаяся штукатурка, покосившаяся дверь. Никаких признаков жизни. Но он знал, что она там. Он постучал. Дверь отворилась, и на пороге стояла она – та самая женщина из видения. Только теперь она была живой, настоящей. Её губы изогнулись в насмешливой улыбке.

– О, какой гость. Заходите, господин из управы. – Она говорила с лёгкой хрипотцой, от которой по спине Кодзо пробежали мурашки.

– Я проверяю, нет ли больных. У вас всё в порядке?

– Как видите, я здорова, – она повела плечом, и лёгкая ткань скользнула вниз, обнажая белую кожу. – Или вы пришли по другой причине?

Кодзо сглотнул. Он должен был сказать ей о доносе, пригрозить, но слова застревали в горле. Она шагнула в сторону, пропуская его внутрь. Он вошёл, сам не зная, зачем. Внутри было темно, пахло сухими травами и чем-то сладковатым. Она закрыла дверь и обернулась, глядя на него в упор.

– Вы ведь меня искали, – сказала она. – Не отрицайте. Я знаю, что вы хотели меня увидеть.

– Это не так, – выдал он, но голос дрогнул.

– Ложь. – Она подошла ближе, почти вплотную. – Вы думали обо мне. Я чувствую. Все мужчины думают обо мне. Но вы особенный. Вы боитесь и хотите одновременно. Это интересно.

Кодзо почувствовал, как её пальцы коснулись его груди. Он не мог пошевелиться. Всё тело словно онемело. Её глаза, тёмные и глубокие, гипнотизировали его.

– Я не причиню вам вреда, – прошептала она. – Но вы сделаете то, что я скажу.

– Что? – выдохнул он.

– Вы скажете всем, что я здорова. Что я не больна. И вы будете приходить ко мне. Когда захотите. А если откажетесь... – она улыбнулась, и в улыбке появилось что-то опасное, – я расскажу, как вы тайком проверяете доносы и скрываете моё имя. Как вы покрываете меня. Тогда все узнают, что вы нечестный чиновник.

Кодзо похолодел. Она знала. Она всё знала. Он хотел возразить, но слова застряли. Она провела пальцем по его губам:

– Молчите. Всё будет хорошо. Просто делайте, как я говорю.

Она отступила, и чары развеялись. Кодзо судорожно вздохнул. Он выбежал из дома, не оглядываясь. Солнце уже клонилось к закату. Он почти бежал по склону к своему дому, где его ждала Томи, оранжевый свет на бумажных дверях.

Но в тот вечер он не рассказал ей об Осаке. Он только сказал, что все дома здоровы, и что доносы – это в основном ложь.

Однако в следующие дни он продолжал ходить к Осаке. Сначала под предлогом проверки, потом – без всякого предлога. Каждый раз он терял голову от её близости, её запаха, её голоса. Она была как болезнь: сладкая, опасная, затягивающая. Он знал, что это гибель, но не мог остановиться.

А в деревне холера расползлась всё шире. Ящик для доносов наполнялся новыми именами. Кодзо прятал те, что касались Осаки, и отправлял проверяющих к другим. Люди заболевали, умирали. Он чувствовал себя предателем, но каждый раз, когда он думал о том, чтобы порвать с ней, её образ вставал перед глазами, и он сдавался.

Однажды он пришёл к ней вечером. Она сидела у окна, глядя на луну. Без обычной насмешки, просто и тихо.

– Ты уже знаешь, – сказала она, не оборачиваясь. – Во мне холера.

Кодзо застыл. Холод пробежал по спине.

– Нет... этого не может быть.

– Может, – она повернулась к нему, и он увидел её бледное лицо, запавшие глаза. – Я умираю. Но ты можешь спасти меня.

– Как?

– У тебя есть ключ от ящика. Сожги все доносы. Скажи, что я здорова. Тогда они оставят меня в покое.

– Но ты больна! – выкрикнул он. – Тебя нужно в лепрозорий!

– Я не пойду туда, – твёрдо сказала она. – Если меня заберут, я умру там. Я хочу умереть дома, в тишине. Помоги мне, и я обещаю, что больше не буду тебя тревожить. Я исчезну.

Кодзо колебался. Он знал, что поступает неправильно. Но он не мог вынести мысли, что она умрёт в лепрозории, одна, среди чужих.

– Хорошо, – сказал он. – Я сделаю это.

Он ушёл, но на следующее утро, когда он пришёл в управу и открыл ящик, он нашёл там письмо. Его собственное имя. Кто-то доносил на него. На мгновение он замер, но затем сжёг бумагу. Он был готов пойти на всё ради неё.

Но когда он в тот вечер пришёл к Осаке, её дом был пуст. Только запах болезни витал в воздухе. Он понял, что опоздал.

Она умерла. И вместе с ней умерла его надежда на спасение. Теперь он остался один со своей тайной и виной.

Он вернулся домой. Томи встретила его с тем же спокойным лицом, но в её глазах он прочёл что-то новое – подозрение. Она молча поставила перед ним ужин. Он не мог есть. Он не мог говорить. Он просто сидел, глядя в одну точку, чувствуя, как жизнь уходит из него вместе с Осака.

А вскоре он и сам заболел. Холера скрутила его за три дня. Томи ухаживала за ним, несмотря на риск, но было поздно. Перед смертью он прошептал:

– Прости меня...

И закрыл глаза.

Томи сидела рядом, держа его за руку, не проронив ни слезы. Она смотрела на его лицо, ставшее чужим, и думала о том, что он предал её. Но она не могла ненавидеть его до конца. Она лишь тихо сказала:

– Спи спокойно. Я всё улажу.

Она встала и подошла к столу, где лежал ключ от ящика для доносов. Она взяла его и вышла в ночь. Наутро в ящике не было ни одного доноса. Все они исчезли.

А в управе, когда пришёл новый помощник старосты, он нашёл на столе записку: «Мёртвые не доносят». И больше никто не слышал о Томи. Она просто исчезла, как и многие в те годы, оставив лишь память и тишину.

– Не лезь не в своё дело, Хиро-тян. Слышал я, ты ходишь, вынюхиваешь, не прячут ли где больных холерой. Брось ты эту собачью работу, она недостойна человека.

Даже Кодзо, при всей его робости, закипел от этих слов и ответил резко:

– Будь она хоть собачьей, хоть какой, это моя работа. Прости, тётушка, но мне нужно увидеть дядю. Я должен доложить.

– ...Он болен и лежит в постели.

Неожиданно слабый ответ заставил Кодзо тут же пожалеть о своей грубости. Хозяин этого дома был человеком не слишком приветливым, но Хироэ в детстве часто носила его на руках и угощала леденцами.

– Но это точно не холера. Ну пожалуйста, скажи им, что всё в порядке, и возвращайся.

Кодзо, который всегда был мягок и с другими, и с собой, всё же не мог забыть, что случилось с семьёй Хосои. Если бы он снова закрыл глаза, а потом семья распалась, или того хуже – вся погибла, – мысль об этом заставляла его держаться. Он не хотел терять оранжевый свет в доме Хосои и запах циновок в доме Анся.

– Потерпи, тётушка. Я верю, что это не холера, но дай мне просто взглянуть на него.

Хироэ снова поправила полотенце на голове и повернулась к нему своей округлой спиной. Молча она показывала, что он должен следовать за ней. Она провела его в дальний флигель, отделённый от главного дома и мастерской. Длинная веранда скрипела под каждым шагом, садовые деревья казались сухими, но мох на ступенях был влажным и тёмным. Где-то пела невидимая птица. Хироэ, всё ещё стоя к нему спиной, открыла раздвижную дверь. На яркой, почти синей бумаге дверей дрожали густые тени листьев. За ними оказалась ещё одна решётка. – Это была комнатная тюрьма.

В полумраке находился не какой-нибудь монстр или демон. Это был хозяин дома Ансай. Холод пробрал Кодзо до костей. На миг он представил, как его самого хватают и запирают здесь, и ему захотелось ударить себя за эту мысль. Что, если воображение станет реальностью?

Хироэ и Кодзо стояли перед решёткой. В комнате, даже днём погружённой в сумрак, голый хозяин сидел с достоинством. Перед ним на низком столике лежали свиток бумаги и кисть – всё было аккуратно разложено. Но на бумаге ничего не было написано. В этот миг небо, долго бывшее пасмурным, прояснилось, и яркий солнечный свет хлынул внутрь. Кодзо затаил дыхание.

На трёх белых глиняных стенах, сплошь и рядом, было написано его собственное имя. Крупные, наспех нацарапанные иероглифы, тщательные, аккуратные, и совершенно нечитаемые – все они были его именем: «Ансай Ясухару, Ансай Ясухару, Ансай Ясухару...»

Хотя сидеть нагишом в такой позе – наказание для отъявленных злодеев, хозяин сохранял достоинство. Даже Кодзо, одетый, чувствовал себя неловко.

– Ты не знаешь своего имени? Или знаешь только своё имя? Что из двух?

Кодзо спросил у спины Хироэ, которая тихо закрыла дверь, но она не ответила.

– Если ты убедился, что это не холера, уходи.

Кодзо, разумеется, собирался доложить, что хозяин Ансай просто простужен и лежит с обычной летней простудой. «Что же меня так тревожит?» – пробормотал он про себя. Ведь эта семья – одна из самых богатых в деревне, и все они живут в мире. Хироэ уже скрылась за углом. Внезапно цикады умолкли.

Наступила тишина, и он почувствовал женское дыхание у самого уха. Кодзо побежал, не разбирая дороги. Всё, что он видел, нужно забыть. Ему нужно было идти в следующий дом. Если он просто выполнит свою работу и вернётся вовремя, его жизнь и семья останутся прежними. Это неизменно. Только это неизменно.

В следующем доме старая женщина давно лежала в кладовке. Когда Кодзо велел открыть дверь, оттуда взметнулась туча мух, и его окатило запахом гниющей рыбы. Вся семья была слабоумной. Отступая и прикрывая нос и рот рукавом, Кодзо заглянул внутрь. Лежавшая на соломе старуха уже почернела, раздулась и разложилась. Именно из-за этого запаха на неё и донесли. Старуха высунула чёрный, раздутый язык и, казалось, улыбалась.

– Она мертва. И давно.

Подавляя приступ тошноты, Кодзо крикнул на невестку, которая стояла с отсутствующим видом. Она, небрежно распахнув ворот, чесала блошинные укусы и растерянно смотрела на него.

– Нет, она ещё вчера говорила. Спрашивала, засушила ли я бобы на циновке...

Кодзо показалось, что он может подхватить от них что-то похуже холеры, и он выбежал. Нужно было бежать в полицейский участок. Он твердил себе, что это работа, но хотелось просто убежать домой. Вернувшись в управу, он увидит, что ящик для доносов снова полон.

– Под палящим солнцем, бегая и пугаясь, Кодзо совершенно выбился из сил. Начальство вроде бы сочувствовало, но никто не предлагал помочь с ящиком. Вытирая лицо и плечи мокрым полотенцем, Кодзо бросил взгляд на стул, где всегда сидел покойный помощник Сибата. Поскольку новый помощник ещё не назначен, стул пустовал. Даже видение той соблазнительной женщины теперь казалось ему почти родным.

Почти механически он обошёл здание сзади, принёс ящик, куда должны были опустить новые доносы, и открыл его. Бумажки были лёгкими, но ящик казался тяжёлым – может, от накопившейся злобы. Даже когда его дразнили, говоря, что это проклятая работа, Кодзо уже не мог улыбнуться своей обычной сдержанной улыбкой. Он запустил онемевшую руку и достал бумажки, которые насмехались над ним ещё сильнее:

«Дочь знахаря Осака», «Осака», «Женщина по имени Осака», «Осака – причина распространения заразы».

Всё было написано женским почерком. Представив, что это женщины, у которых она отбила мужей, Кодзо почувствовал сухость во рту. Он тихо вышел из управы. В этом странном возбуждении и усталости ему казалось, что сейчас он может легко встретиться с той женщиной.

Уже к вечеру солнце пекло нещадно. На выбеленной дороге Кодзо взглянул на запад, туда, где был холм Омору. Когда-то там почитали святилище, но теперь оно пришло в запустение. И там поселились новые лжебоги. Кодзо, словно прихожанин, направляющийся на поклон, побрёл по пыльной дороге.

Дом стоял вниз по течению реки, которая всегда выходила из берегов после сильных дождей. Это была самая неблагополучная местность, где вразброс стояли жалкие лачуги, которые при тайфуне затапливало до самого пола. Когда он увидел этот дом с почти обвалившейся соломенной крышей, он пожалел, что пришёл сюда, и подумал, что ещё можно повернуть назад. У покосившейся двери стояли ворота тории, явно где-то украденные, а рядом была грубо вытесанная каменная статуя волка. Трава во дворе была скошена, но от этого запустение казалось ещё более глубоким.

В ушах Кодзо, остановившегося в нерешительности, раздался странный заунывный голос – словно заклинание призрака, доносившееся из-под земли. Он понял, что ноги не слушаются его, и в тот же миг почувствовал присутствие женщины. Она внезапно навалилась на него сзади. Это была та самая тень, что нависала над помощником при жизни. Но теперь тень была тяжёлой и тёплой. Она дышала ему в самое ухо, от неё пахло подгнившим инжиром. Этот сладкий запах тления принадлежал голосу, влажному и томному, под стать своему аромату:

– Отец с матерью читают заклинания. Но они же бесполезны...

Он чуть не вскрикнул, и оцепенение в тот же миг спало, но Кодзо ещё долго не мог пошевелиться. Женщина стояла на таком расстоянии, что казалось, будто она только что не прижималась к его спине. До неё нельзя было дотянуться. Её яркое, но дешёвое кимоно и почти развязанный пояс колыхались на тёплом ветру. Просто заколотые волосы почти распустились и прилипли к лицу от пота. Из дома доносился монотонный, то высокий, то низкий, голос, читающий заклинания. Перекрывая его, женщина рассмеялась – звонко и жестоко, сотрясая своей белой шеей.

Женщина из видения была не видением, а реальностью. Она возникла не где-то в глубине лабиринта, а прямо у его входа. Но голос Кодзо, сорвавшийся на фальцет, мог произнести только казённую фразу:

– Вы не больны холерой?

Осака запрокинула голову и расхохоталась. И в тот же миг Кодзо понял, что она будет делать с ним что угодно, и видел это далеко вперёд. Хотя он знал, что она порочна, ещё до встречи, он не мог ничего поделать – она была прекрасна. С такой красотой можно было бы обманывать людей, выдавая себя за принцессу. Похоже, она родилась с этой красотой только для того, чтобы обманывать.

– Я совершенно здорова. Можете проверить, если хотите.

В нём поднималось странное возбуждение, которое он не мог подавить. Он и сам не понимал, что с ним. Разве он не жил, не жалуясь на однообразие и не желая сильных потрясений? Сегодня он едва не провалился в несколько разных миров, и его уже тошнило от этого, но в то же время он искал новых впечатлений. Или он просто попал под чары этой женщины?

Перед его глазами стоял помощник, одержимый ею. Но даже когда он напоминал себе об этом, желание прикоснуться к Осаке было настолько сильным, что он переставал быть собой. Лишь одна холодная часть сознания удивлялась: почему его так тянет к ней?

Неосознанно он протянул руку к Осаке. Она не отстранилась, а легко взяла её и покачала. Её руки, никогда не знавшие полевой работы или плетения веревок, были мягче, чем у любой женщины, к которой он когда-либо прикасался. Те, кто обманывает людей, сами ничего не теряют. Награбленное накапливается внутри и придаёт им эту сладострастную утончённость.

– Я правда... зайду.

Осака развернулась и взбежала на скрипучую веранду, словно её затянуло внутрь. Зловещие заклинания стихли, и только крик коршуна эхом разнёсся над горами. За разбитыми сёдзи было темно. Видимо, там висела какая-то занавесь, потому что даже свечи не было видно, только тьма. А может, даже под солнечным светом там было темно. Внезапно раздался пронзительный женский вопль. Кто знал, Осака это или нет?

Кодзо стоял как вкопанный. Неужели он только что разговаривал с призраком? Но белые заострённые зубы, запах гнилых фруктов и мягкость её руки – всё это было так явственно. Внезапно сильный западный ветер поднял облако пыли у дороги, деревья наклонились. Показалось, что какое-то бесформенное чудовище пронеслось над зелёными полями. Когда оно умчалось, наступила мёртвая тишина, и откуда-то сверху донёсся слабый далёкий вой.

В этот момент из дома вышли те, кто только что принял молитву. Их было так много, что удивительно, как они поместились в таком маленьком доме. Судя по тому, что Кодзо никого из них не знал, они были из соседних деревень. Пожилая пара в белых одеждах, по-видимому, родители Осаки. Отец – у него было лицо человека, которому суждено обманывать с самого рождения. Лицо благообразное, но лишённое добродетели – в следующей жизни он, наверное, станет зверем. Мать выглядела совершенно безумной.

– Меня укусил тигр! – воскликнула женщина, похожая на мать Осаки, пронзительным голосом, задирая рукава и подол кимоно, обнажая плечи и бёдра. Её кожа там была странно упругой. Следы укусов были отчётливыми, но явно человеческими. Однако никто не сказал: «Это, наверное, Осака укусила, когда вбежала».

– Тигра-генерала мы прогнали. Не бойтесь, волк вас защитит, – сказал отец Осаки, заметив Кодзо. Его голос был вежлив и спокоен.

– Вы ведь не полицейский, а из управы?

Кодзо сбивчиво начал оправдываться. Хотя этих людей считали шарлатанами, когда перед тобой читают такие подозрительные заклинания, всё равно становится не по себе. Он чувствовал на себе взгляд Осаки, выглядывающей из тёмного дома.

– А, я хожу по домам. Ну, то есть, когда собирается много народу, болезни легче распространяются. Пожалуйста, будьте осторожны.

Отец Осаки важно кивнул, но в уголках губ затаилась насмешка, словно он видел Кодзо насквозь. Мать же, растрёпанная, кричала о волке и показывала укусы на шее. А те, кто пришёл на молитву, тихо, вполголоса, повторяли заученные заклинания. Кодзо в замешательстве смотрел на разбитую дверь. Внезапно из неё высунулась белая женская рука.

Она не манила его, но длинный тонкий палец указывал прямо на Кодзо. Он, всё это время стоявший на солнце, почувствовал сильную усталость. Ему показалось, что на белой руке растут жёсткие волосы, но, может, это просто пот застил глаза. Сухая ветка голого дерева царапала пустоту.

...Когда Кодзо очнулся, он был совсем один. Ни семьи Осаки, ни крестьян, приходивших на молитву. Только шум мокрых летних трав, жужжание пчёл, облепивших полевые цветы, и крик цикад, словно кого-то торопящий. И больше ничего. Дом, где, казалось, жила Осака, тоже не подавал признаков жизни. Какая-то холодная часть сознания Кодзо подсказывала: если уйти сейчас, пока страх ещё не поднялся до самого верха, он не сойдёт с ума.

– Ох, и тяжёлый же был день. Ложись скорее, – сказала Томи, когда Кодзо рассказал ей о сегодняшних странных событиях. Он приукрасил историю об Осаке – сказал, что только мельком видел её издали и что она показалась ему просто жуткой женщиной. Что он больше никогда не будет иметь с ней дела и не хочет.

Огонь в очаге колебался, и на плоском лице Томи тоже появлялись тени. Она варила в горшке сладкий батат, добавляя гречневую муку. Кадзуко и Мисако любили эту кашу за сладость. Они съедали и тут же падали на пол, засыпая. Кодзо казалось, что этот мирный вечер не

имеет ничего общего с теми жуткими местами, которые он видел днём: хозяин Ансая, старуха в кладовке, странные люди у дома Осаки.

Томи, как обычно, была спокойна и заботлива. Она не расспрашивала о подробностях, просто делала своё дело. Кодзо был благодарен ей за это. Он не хотел больше вспоминать об Осаке. Он решил, что больше никогда не пойдёт туда. Но глубоко в душе он знал, что это не так.

Ночью он не мог уснуть. Ворочаясь с боку на бок, он слышал, как Томи ровно дышит рядом. Он думал о белой руке, указывающей на него, и о смехе, от которого по спине бежали мурашки. Наутро он встал, как обычно, и пошёл в управу. Но по дороге ноги сами свернули к тому дому. «Я только взгляну», – шептал он себе. «Я только проверю, всё ли в порядке».

И снова он стоял у разбитой двери, и снова из темноты доносился тот же заунывный голос. Он толкнул дверь и вошёл. Внутри было темно. Пахло сыростью и чем-то сладковатым. Он услышал шорох и почувствовал, что Осака рядом. Она была там, в темноте. Она ждала его.

– Я знала, что ты придёшь, – прошептала она.

И Кодзо понял, что уже не сможет уйти. Он сделал шаг вперёд, и дверь за ним закрылась.

Однако он уже связался с этой женщиной. Даже если под её ногтями скрыт яд пострашнее холерных бацилл, ему хотелось, чтобы она его оцарапала. Кодзо лёг в постель с Томи, но думал об Осаке. Укрывшись тяжёлым ночным кимоно из тёмного хлопка, заменявшим ему одеяло, он в ту же ночь, едва сомкнув глаза, провалился в сон. Голый мужчина, с достоинством сидящий за решёткой; старуха, гниющая в кладовке; женщина, манящая из тьмы. И ящик для доносов. Источников кошмаров было предостаточно. Рядом Томи бесстрастно смотрела в закопчённый низкий потолок.

Почему он должен делать всё один? Можно ведь разделить работу и помочь друг другу. Обходя здание сзади, Кодзо нахмурился. С каждым днём ящик для доносов наполнялся всё больше. Окружающие, похоже, и не подозревали, что он может испытывать недовольство. Доверяют ему или считают дураком? Издавая шелест мёртвых мошек, бумажки выпадали наружу. При жизни он был неприятным человеком, но даже после смерти помощник Сибата продолжал властвовать над этой сельской управой в самой неприятной форме.

Холера наконец поразила и семью одного из сослуживцев. Кодзо бросил взгляд на пустой стул и попытался представить лицо того человека, но не смог – он никогда не смотрел на него в упор. Число умерших от холеры по всей стране давно превысило потери в японско-китайской войне, большинство праздников отменили. Всё больше деревень перекрывали сообщение, храмы и школы превращали во временные лепрозории, а белая ткань для саванов исчезла из продажи. Томи тоже шила саваны для множества похорон. Теперь тот свет был не местом назначения, а местом возвращения.

В ящике было почти десять бумажек. Корявыми иероглифами на них были записаны имена подозрительных соседей и недругов. На этот раз имени Осаки среди них не было. Уже за одно это Кодзо был готов поверить, что на этот раз все доносы касаются настоящих больных. Пот катился градом, липкий и противный. Наконец Кодзо не выдержал и сказал вслух:

– Их слишком много. Не мог бы кто-нибудь помочь мне?

В комнате воцарилась тишина. Никто не взглянул на Кодзо, никто не ответил. Глядя на этих людей, похожих на глиняных кукол, Кодзо содрогнулся. Он не мог повторить просьбу, не мог разрядить обстановку неуклюжей шуткой. Пальцы его дрожали. Он представил, что, должно быть, чувствует человек, случайно забредший в мир демонов, но на самом деле именно Кодзо был чужеземцем в мире людей. Молчание открыло ему, что о нём думают остальные. ...Медленно собравшись, он вышел.

Впервые за всё время службы Кодзо бросил работу. Чтобы повидаться с подругой из мира демонов.

– Когда ты впервые меня увидел, ты подумал: «Ах, вот я и встретил её».

Осака видела его насквозь. Она знала, что он тосковал по ней ещё до встречи, что сейчас он в унынии, но не ищет утешения у жены. Она легко выскользнула из-за каменной статуи волка – сегодня на ней было кимоно в синюю клетку из тёмного хлопка, но, как всегда, небрежно распахнутое. Для этой женщины кимоно было не тем, что носят, а тем, что снимают. В небрежно собранных волосах алела шпилька с бусиной цвета крови. На миг сверкнув этой красной искрой, Осака легко повернулась и пошла прочь.

– Я тоже.

С этими словами Кодзо завладел этой женщиной. Пудра на её затылке уже стёрлась от грязи, но даже это казалось ему соблазнительным. Ремешки сандалий, которые она держала босыми пальцами, тоже были кроваво-красными. Лишь ногти скромно сияли коралловым цветом. Даже с людьми внутри, этот дом оставался заброшенным – он был подобен чреву зверя. Сырой и тёплый, как и сама Осака. Сквозь него свободно гулял ветер, пахнувший карболовой кислотой. Как бы он её ни укладывал, Осака неизменно оказывалась сверху, наваливаясь на него сзади. Такой же, как та тень за спиной помощника.

Кодзо схватился за голову. Всего лишь вторая встреча с этой женщиной, а желание бросить работу и семью и жить только с ней росло с неудержимой силой. Не так скромно, как с Томи. Он хотел запереться в собственном мире наслаждения, как тот хозяин в комнате-тюрьме. Можно было бы исписать стены её именем. А в конце – сгнить, почернев и распнувшись, как та старуха в кладовке. Нет, он уже начал гнить где-то внутри.

– Теперь будешь просить отца помолиться за тебя. Мы сделаем тебе скидку.

Лёжа голым на липком дощатом полу, Осака томно прошептала. Иными словами, с этого момента он должен платить. Кодзо, сидевший рядом, почувствовал ветер с запущенного двора. Мимо пролетели две стрекозы, сцепленные вместе. Интересно, кому из них, самцу или самке, приятнее? – пробормотал он.

Разорвав все остальные доносы и бросив их в реку, Кодзо вернулся в управу. Когда он объявил, что сегодня все доносы ложные, все неопределённо кивнули. Глиняные куклы растворялись в вечерних сумерках.

С тех пор Кодзо стал уничтожать всё содержимое ящика для доносов. Он делал вид, что обходит дома, а сам шёл к Осаке. Те, кто умирал от холеры, пусть умирают. Шагая с наплевательским видом, Кодзо встретил родителей Осаки. Супруги, носившие поддельного волка и обходившие дома, пропахшие карболовой кислотой, были красивой парой – шарлатаны или нет, но они друг другу подходили. Мать Осаки не обращала внимания на задравшийся подол. Её белые бёдра были похожи на дочернины. Оба были в грубой серой одежде без рисунка и стоптанных соломенных сандалиях, но почему-то казались невероятно яркими. Вместо заклинаний они напевали колыбельную. Проходя мимо Кодзо, они молчали. Эти супруги шли своим путём, по той дороге в царство мёртвых, которую выбрали сами.

– Днём я свободна только для тебя.

Перед домом Осаки всегда дул сильный ветер. Из обвалившейся глиняной стены кто-то смеялся. Оттуда выглядывали глаза. Птицы судачили о Кодзо, а в реке, протекавшей перед домом, словно лепестки, плыли бумажки, выброшенные из ящика для доносов. И Осака всегда была тёплой.

– Ты и с помощником Сибатой была?

Он почувствовал, как зрачки Осаки сузились. Её глаза, похожие на стеклянные шарики, отражали испуганного Кодзо, который пожалел о сказанном. Но Осака лишь улыбнулась алым ртом.

– Он всё обещал взять меня в жёны и прочее, а сам бил и пинал. Это мне было жалко. Вся в синяках, да ещё и денег не давал.

После ласк с Осакой Кодзо просил её родителей помолиться за него. Отец, хоть и делал это неумело, но с важным видом проводил очищение, а мать читала заклинания, которые ско-

рее привлекали зло, – и их голоса разносились над горами. Кодзо всегда платил за молитвы щедрее, чем следовало. Эти деньги шли на бумагу для сёдзи, на рис, на одежду для Осаки. Он оставил жалование на её усмотрение, но Томи, конечно, знала, что в последнее время Кодзо часто носит деньги из дома. Кодзо оправдывался тем, что увеличил вклад в банке Вакэ. Открывать счета в банках, которые один за другим возникали после японско-китайской войны, было признаком достатка, но все скромные сбережения Кодзо были уже сняты ради Осаки.

Томи молча увеличила объём надомной работы. И хотя она была такой хорошей женой, Кодзо, узнав Осаку, чувствовал, что Томи его раздражает, а иногда даже вызывает ненависть. «Осака – вот это да!» – ему хотелось швырнуть эти слова в её склонённый профиль, когда она сосредоточенно штопала у очага. Но Томи ни разу не проявила неповиновения или враждебности. Она терпела, считая, что он просто взвинчен из-за дел с ящиком для доносов. Однажды вечером из-за пустяка он поднял на неё руку, но Томи лишь успокаивала двух дочерей, которые хныкали в постели:

– Отец просто устал от тяжёлой работы.

Кодзо было стыдно, но, лёжа в постели и глядя, как Томи плетёт соломенные сандалии, он снова думал об Осаке. Она капризно просила дом получше. Конечно, она наверняка кокетничает и с другими мужчинами. Помощник умер, но если появится богатый мужчина и положит на неё глаз, всему конец. Его самого она легко бросит. Даже та чёрная тень к нему не прилипнет. У Осаки нет к нему такой сильной привязанности. Но именно это только усиливало его собственную одержимость.

Томи, освещённая огнём очага, в зависимости от угла зрения казалась ведьмой из детских сказок. В отличие от Осаки, она никогда не предаст его, не способна на козни. Он повернулся на другой бок – перед ним были милые лица спящих Кадзуко и Мисако. У их изголовья лежал веер. Этот веер, подаренный разносчиком, очень нравился девочкам. На нём были нарисованы алые летние цветы, а внизу Томи написала их имена. Томи умела писать только хираганой, но в её буквах чувствовалась неподдельная нежность. Глядя на эти буквы и на спящих дочерей, Кодзо тоже колебался.

«...Роди дитя демона, роди дитя змеи, роди дитя с рогами...»

Кодзо на мгновение оцепенел, подумав, что Томи читает заклинание. Но это была старая колыбельная. В щель ставней виднелось чёрное ночное небо. Дитя демона, дитя змеи, дитя с рогами – возможно, прямо сейчас где-то в этой деревне рождается такое дитя. Рождает его та женщина с окраины.

Однажды ночью Кодзо, который крепко уснул под эту песню, внезапно проснулся. Девочки спали, издавая милое дыхание. Но Томи не было рядом.

Он приподнялся и огляделся – её не было ни в прихожей, ни у очага. Он попытался убедить себя, что она пошла в уборную, но она не возвращалась. Бледный красный свет догорающего очага только разжигал тревогу. Не могла же она сбежать из-за той ссоры. У Томи, рано потерявшей родителей, даже нет дома, куда можно было бы вернуться. Тишина стояла такая, что звенело в ушах. Казалось, можно услышать, как убывает луна. Внезапно дверь скрипнула. Не ветер. Томи бесшумно вошла. Кодзо не мог спросить, где она была, и притворился спящим. Томи тихо легла рядом и сняла кимоно. Здесь все обычно спят полуголыми, а в уборную ходят прямо так. Неужели она нарочно оделась, чтобы выйти? Неужели она тайно встречается с мужчиной? С ней, а не с Осакой...

От неё пахло ночной прохладой. Казалось, рядом лежит незнакомая женщина. Кодзо не хотел вспоминать сказки, которые рассказывала его покойная бабушка, но они сами всплывали в памяти. У самого уха раздался шёпот бабушки:

«...А та жена по ночам тайком уходила на кладбище. Выкапывала свежие могилы, ела мясо мертвецов и грызла их кости...»

Из-за холеры на сельском кладбище резко прибавилось новых могил. Спустя некоторое время после захоронения земляные холмики сильно проседали – потому что гробы начинали гнить. На дороге в управу и обратно это бросалось в глаза. Землю подсыпали вновь, но трупы, выставленные наружу, начинали гнить ещё быстрее. Кодзо испытывал ровно то же чувство, что и когда проходил мимо могилы Дзюнго. Рядом – то, чего он не хочет видеть.

Дыхания Томи не было слышно. Она не шевелилась. Кодзо боялся даже приоткрыть глаза. Почему он не мог просто спросить: «Где ты была?» Ведь это могла быть просто такая невинная причина, как беспокойство о воде в рисовом поле. Не могла же она на самом деле есть мёртвых.

«А вдруг рядом со мной лежит Осака?» – подумал он, и эта неприятная мысль заставила его ещё крепче зажмуриться. Это была не Томи, а его давно умершая бабушка пела:

«...Роди дитя демона, роди дитя змеи, роди дитя с рогами...»

Кому она угрожала родить такое страшное дитя? Эта часть всегда была неясна. Может, тому, кто не перестаёт плакать? Или бесполезной невестке? Или женщине, что обманывает мужчин?...

Наутро Томи была как обычно. Завтрак в этих краях – обычно холодный рис с чаем, но Томи сварила густую кашу. Кодзо, хлебая парящую кашу из дроблёного ячменя с зеленью, рассеянно слушал уже надоевший крик цикад. Если бы все невестки брали пример с Томи, холера не распространялась бы так сильно. Однако, зачерпывая ложкой зелень, он думал: Томи – заурядная женщина. А такой женщины, как Осака, больше нигде нет.

Управа была окружена деревьями, где стрекотали цикады, и стояла под палящим солнцем. Ящик для доносов нагрелся от солнечных лучей. Тяжелобольные почти все умерли или были изолированы, так что бумажек стало намного меньше. Сегодня их было всего две. В одной было имя старика, которого уже отправили в лепрозорий. Когда Кодзо открыл вторую, его замутило не от жары.

«Схватить Осаку. Она является источником распространения болезни».

Поймать Осаку. Причина распространения холеры. Холодный ветер, подувший ему в затылок, был от веера Кадзуко и Мисако. Перед закрытыми глазами рассыпались алые лепестки.

Он снова перечитал записку. Почерк был тот же, что на том веере, – тот, кто написал хираганой имена дочерей. Нет, подумал он, похожий почерк может быть у кого угодно. Но ведь прошлой ночью Томи выходила из дома в одежде. Он отчётливо представил, как она молча идёт к сельской управе при свете луны. И Томи в его воображении была той самой женой-демоном, которая раскапывает свежие могилы.

Когда она узнала об Осаке? Сжимая бумажку, он глухо застонал. Внезапно ему вспомнился профиль Томи, когда она бранила жену Дзюнго. Неужели Томи, с невозмутимым лицом, знает всё о женщинах, которыми он увлекается? Но больше всего его пугала бумажка, которую он держал в руке. Она раскрывала истинное лицо женщины, которая превращается в демона.

Войдя с яркого солнечного света в тёмное помещение, некоторое время ничего не видно. Стоящий за дальним столом помощник Сибата – лишь иллюзия. Из разверстого рта его расцветают алые цветы с веера... Тут зрение Кодзо вернулось, и видение исчезло. И всё. Его мир уже не вернётся к прежнему. Страшных женщин стало двое.

Внешне Томи ничуть не изменилась. Хотя холера вроде бы шла на спад, она не теряла бдительности. Она по-прежнему подавала только варёную пищу, а высушенную одежду проглаживала горячим утюгом. Она молча помогала старшему брату мужа с прополкой на рисовых полях и ещё больше увеличила объём надомной работы. Всё из-за того, что Кодзо начал тратить лишние деньги, но Томи ни разу не пожаловалась, не потребовала показать банковский сертификат.

«Значит, это просто был кто-то с похожим почерком», – думал Кодзо. В ту ночь она могла просто выйти проверить воду на рисовых полях. Раньше он верил, что пока он не совершает никаких поступков, его семья будет вечно неизменна. Но он уже совершил поступок; однако раз это не раскрыто, разве это не равносильно тому, что ничего не произошло?

Но прежде всего – Осака. Осака стала определённо холодна. Она же сама говорила, что днём свободна, а теперь её постоянно нет. Ящик для доносов вот-вот уберут, и тогда пропадёт предлог ходить по домам. А ночью он не решался пробираться к ней – боялся столкнуться с другими мужчинами или попасться на глаза Томи. Если бы поднялся скандал, его бы уволили из управы.

На самом деле, Осаку взял на содержание владелец фабрики огнеупорного кирпича – одной из самых новых и прибыльных отраслей. Родители были в восторге. Теперь не нужно было перебиваться случайными подавками за шарлатанские молитвы – дочь могла получить собственный дом в городе Окаяма. И она, конечно, не стала бы менять это на бедного чиновника из сельской управы.

Кодзо тоже был полон сожалений об Осаке, но он не настолько потерял рассудок, чтобы бросить работу, семью и родителей. К тому же Осака не питала к нему ни малейшей привязанности. Она даже не являлась ему в виде живого духа, чтобы мучить. Иногда он желал, чтобы она просто умерла от холеры.

После того дня он больше не видел тех неуклюжих иероглифов хираганой с именем «Осака». Тот, кто писал доносы, знал, что Осака охладела к Кодзо. Раздражённый Кодзо на работе вёл себя смирно, но дома начал поднимать руку на Томи из-за любой мелочи. Томи лишь съеживалась и терпела, тихо всхлипывая. Кадзуко и Мисако испугались и постепенно перестали подходить к нему.

В ту ночь тьма была такой густой, словно всё вокруг залили тушью. Кодзо очнулся от звука набата, но сначала подумал, что ему это снится. Однако в беспокойной темноте Мицуко спала, а Кадзуко проснулась и хныкала.

– Мамы нет.

Кодзо вскочил. Как и в ту ночь. Томи не было. Он невольно прижал к себе Кадзуко. В тот момент он отчётливо слышал беспорядочные удары набата. Держа на руках дрожащую, как маленький зверёк, Кадзуко, Кодзо тоже дрожал. Но не от набата – его пугало дурное предчувствие.

Внезапно дверь распахнулась. Хлынул белый лунный свет. На пороге стояла женщина. На мгновение он принял её за Осаку, но это была Томи, тяжело дышащая. Она снова была одета. «Мама!» – Кадзуко вырвалась из рук Кодзо и бросилась к Томи. Мицуко наконец проснулась и захныкала.

– ...Где ты была?

В эту ночь он спросил, сдерживая голос. Рядом и вдалеке слышалось тяжёлое дыхание многих людей. Где-то раздавался вой волков и рёв тигров, которых в этой стране быть не должно. Чёрные птицы хлопали крыльями, даже петухи кукарекали в полночь. В распахнутую дверь был виден маленький ад. Края гор окрасились в красный цвет.

– Кажется, пожар, – сказала она. – Я выскочила посмотреть.

Позже, если подумать, было много странностей: если она выскочила из постели, почему на ней была одежда? Почему она не разбудила его, не взяла детей? Подозрений могло быть множество. Но Кодзо ухватился за жену, которая стояла перед ним. Он уже догадывался, чей дом горит под тем алым небом.

В этот момент в дверь громко постучали. Это был сосед.

– Выходи помогать тушить!

Сняв с коромысла вёдра и оставив детей с Томи, Кодзо выбежал.

– Это дом той, что одержима лисой!

Лицо соседа было суровым. Не все мужчины были без ума от той женщины. Были и те, кто её презирал. Кодзо всё ещё был в полусне. Что-то более чёрное, чем предчувствие смерти Осаки, надвигалось на него сзади. У тьмы есть плотность. Самые светлые – небо, затем дома, горы, дороги. Самая тёмная – люди. Даже с факелами и фонарями они были зловещими тенями. ...И одна из них была в его доме.

Наверное, так начинается ад. Земля кажется бесконечно плоской, ничего не преграждает путь, но дали не видно. То тут, то там виднеются леса, которые, по поверьям, нельзя вырубать – иначе навлечёшь проклятие. Синее фосфоресцирующее свечение – это глаза зверей или демонов? А когда он добрался до места, там уже догорали лишь обугленные остатки дома.

Собралось, кажется, полдеревни. Пожар уже потушили, но угли ещё тлели зловещим красным светом. Люди лили воду из реки, все были мокрые, словно только что вылезли из воды. Был и полицейский, но в толпе трудно было разглядеть знакомые лица.

– Кодзо, а ты разве не страдаешь куриной слепотой? Как же ты бежал по ночной дороге?

Позади раздался голос Дзюнго, и большой мужчина заговорил с ним. От него исходил тот самый сладковатый, трупный запах, которым пахнет от больных холерой. В ушах зазвенело. Лицо горело, но тело ниже шеи было ледяным, словно его поместили в ледник. Сердце вот-вот остановилось, но затем температура резко вернулась. Сзади стоял маленький полицейский.

– Все мертвы. Полиции нужно осмотреть тела.

Полицейский длинной палкой приподнял обгоревшее бревно – под ним действительно лежало то, что когда-то было человеком. Ударил странный запах. Тени скорчились и лежали, сбившись в кучу. Съёжившиеся обгоревшие трупы тянули руки в какой-то мольбе. Кодзо не мог определить, мужчина это или женщина, но он сразу понял, что это Осака. У неё блеснули зубы. Голова онемела, сильных чувств пока не было.

Тории сгорели, но каменный волк уцелел. Правда, он почернел от копоти и треснул. Кодзо пытался вспомнить время, проведённое с Осакой, но не мог. Казалось, он был привязан к этому чёрному обугленному трупу с самого начала.

Полицейский опрашивал нескольких крестьян и записывал в блокнот.

– В темноте плохо видно, но какая-то женщина убегала. Вроде бы в ту сторону... А потом начался пожар... Не знаю точно...

Кодзо не мог шевельнуться. Угли дымились у его ног, обжигая нижнюю часть тела, заставляя кожу покрываться волдырями. Перед глазами стояла Томи, бегущая по тёмной дороге – слишком ярко. А поверх этого – смех Осаки. В этот момент кто-то непринуждённо приблизился к нему. Так естественно, что Кодзо инстинктивно поклонился. Помощник Сибата, в европейском костюме, но в соломенных сандалиях, своим обычным зычным голосом гаркнул:

– Дурак же ты, Кодзо. Разве это была женщина, с которой можно сладить? Она цепкая, будь она жива или мертва.

Кодзо хотел что-то ответить, но опомнился. Ведь помощник давно умер. У него застучали зубы. Полицейский приказал ему, что пора возвращаться домой, но это было похоже на далёкую теневую сцену.

Кодзо не помнил, как добрался до дома. Когда он открыл дверь, вышла Томи в одном набедренном платке. Она уже легла. Дети спали.

– Какой ужас. Чей дом сгорел?

Томи, полуголая, была бледной. Не такой, как обгоревшая женщина. Эта бледность пугала. Неужели это его дом, где он может отдохнуть? Неужели это навсегда принадлежит ему? Эта женщина, которую он так хорошо знает? ...Неужели она хочет, чтобы он произнёс имя Осаки и сказал о её смерти?

– Дом тех бродяг. Устал, пойду спать.

В ту ночь ничего не случилось. Кодзо был возбуждён, но, видимо, слишком устал и заснул. Страшных снов не было – он слишком много видел наяву.

Утром Томи подала завтрак. На удивление, это был холодный рис.

– В такую жару трудно есть горячее.

Она поставила перед ним тарелку с соленьями и слабо улыбнулась. Девочки ели кашу из проса, а Томи доедала остатки. Кодзо украдкой взглянул на её профиль – ни тени волнения или растерянности. Вчерашний пожар был сном? Подозрительная Томи, тревожные слухи. Может, это всё иллюзии, как и те призраки?

В управе тоже только и говорили что о вчерашнем пожаре. Приходил полицейский. Кодзо хотел держаться подальше от этих разговоров. Осака мертва, и у него не было ни времени, ни желания скорбеть или жалеть. Ему просто хотелось сбежать. Но Дзюнго и помощник появились слишком естественно – может, всё дело в переутомлении? Кодзо чуть было не сказал, что вчера видел помощника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.